

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЕВ

Мастер Разломов

Том II

Александр Василев

Мастер Разломов Том II

<https://litres.ru/74273999>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где разломы между реальностями открываются без предупреждения, беднякам обычно остаётся только одно — умирать первыми.

Макар Лютов был вором, драчуном и браконьером из беднейшего квартала областного города. Его подстрелили херцогские ловчие в запретной чаще — за попытку добыть мясо для больной матери и младшего брата.

Но в умирающем теле очнулась душа старого инженера из другого мира.

Вместе с ней пробудился дар — Контур. Теперь Макар видит слабые точки конструкций, людей, домов и разломов между мирами. Там, где другие бросаются к ядру с мечом, он видит аварийную систему: нагрузку, опоры, узлы и момент, когда катастрофу можно остановить.

Но бедняку с таким даром трудно остаться незамеченным.

Особенно если он уже закрыл разлом, который не должен был закрыться.

Содержание

Глава 1. Верхний маршрут	5
Глава 2. Верхний склад	27
Глава 3. Северная артель	50
Глава 4. Варлаамова часовня	74
Глава 5. Духовная канцелярия	97
Глава 6. Спуск под часовню	121
Глава 7. Не закрывать полностью	148
Глава 8. Первый законный вдох	173
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Александр Василев

Мастер Разломов Том II

Название: Мастер Разломов Том II

Автор(-ы): Александр Василев

Ссылка: <https://author.today/work/583680>

Глава 1. Верхний маршрут

Когда вокруг дома наконец появились правила, стало легче дышать.

Не потому что опасность ушла.

Просто теперь у неё появился список, по которому её хотя бы можно было встречать.

Красная карта висела у стены. Рядом — отдельная дощечка с семейным контуром безопасности. Под полом больше не лежала вся внутренняя схема целиком. Мишка переписал часть знаков в отдельный журнал. Лиска знала, где что спрятано, но не говорила об этом даже стенам. Остап Сухарь сидел у входа и записывал прохожих с таким выражением лица, будто всю жизнь мечтал превращать любопытство соседей в строки.

Дом всё ещё был бедным.

Крыша всё ещё текла.

Печь всё ещё не заслуживала доверия.

Арина всё ещё кашляла, хоть лекарство Ордынцева и помогало ей дышать чуть мягче.

Но теперь у нас появилась не надежда — с надеждой в Нижних обращались осторожно, она часто занимала деньги и исчезала.

У нас появилась процедура.

А это куда надёжнее.

Утром пришёл Горн.

Без предупреждения. Без лишних слов. С видом человека, который принёс не новость, а срок.

За ним вошёл Дарен, потом дед Яр, затем Трофим. Сенька, конечно, уже был в комнате, хотя я лично видел, как десять минут назад Лиска выгнала его за водой. Видимо, у Сеньки был отдельный договор с пространством.

Горн положил на стол дощечку с гильдейской отметкой.

— Три дня.

— На что? — спросила Лиска.

— На первичную трассировку верхнего направления. После этого Сомов потребует полный промежуточный доклад.

— Три дня — это не срок, — сказал я.

— Это аварийное окно, — ответил Горн.

Я кивнул.

— Вот именно. Значит, работаем как при аварии.

Он посмотрел на меня так, будто проверял, в каком состоянии моя голова.

— Ты не идёшь.

— Я ещё не сказал, что хочу.

— Ты хочешь.

— Это не доказано.

— У тебя лицо человека, который уже мысленно полез туда, куда телу нельзя.

Устинья, сидевшая у печи, даже не подняла глаз.

— Тело не пойдёт.

— Я понял, — сказал я.

— Нет. Ты услышал. Поймёшь, когда попытаешься встать. Чтобы не давать ей удовольствия, я не попытался.

Контур, словно поддерживая старуху, тихо мигнул:
[Состояние носителя]

Стабильность: 56%

Рана: стабильна при ограниченной нагрузке.

Риск повторного кровотечения:средний при длительном перемещении;высокий при падении / резком усилии.

Рекомендация:не участвовать в полевой трассировке;работать в режиме координации;ограничить удалённое сопоставление данных.— Предатель, — пробормотал я.

— Кто? — спросил Мишка.

— Организм.

— Он прав, — сказала Устинья.

— Вы с ним сговорились.

— Я с умными не спорю.

Сенька поднял руку.

— Тогда со мной можно?

— С тобой — нужно, — сказала Лиска. — И часто.

Горн постучал пальцем по карте.

— Идёт команда. Дарен — полевой осмотр. Дед Яр — строительные знаки. Трофим — товарные маршруты. Остап — безопасность и запись посторонних. Сенька — слухи и быстрые ноги.

— Я звучал почти официально, — сказал Сенька.

— Не порть, — сказала Лиска.

Горн продолжил:

— Лиска остаётся с Лютовым и картами. Мишка ведёт журнал. Устинья следит, чтобы наш главный координатор не умер от желания быть героем.

— Я вообще-то здесь, — сказал я.

— Поэтому и говорим при тебе, — ответила Устинья.

Я посмотрел на карту.

К-4. Красный двор. Старый колодец. Бойня. Северная канавка. Верхний след, пока ещё пунктиром.

Надо было понять, куда он идёт.

Не предположить.

Не почувствовать.

Понять.

— Маршрут? — спросил я.

Трофим почесал бороду.

— Есть старый товарный путь. Не главный. Верхние про него вспоминают, когда надо спустить камень, уголь, лес или что-то, что не должно слишком бросаться в глаза. От Нижних складов через старую рампу, потом серпантином к северо-западному грузовому двору. Дальше — Верхний склад.

— Официальный?

— Как всё полезное в этом городе: на бумаге есть, в жизни другой.

— Опасный?

Трофим пожал плечами.

— Смотря для кого. Для телеги — терпимо. Для стражника в чистых сапогах — смертельно. Грязь.

— Значит, хорошая дорога, — сказал Сенька.

Трофим хмыкнул.

— Верхний город любит думать, что стоит над Нижними.

— А на самом деле? — спросил Мишка.

— Его всё равно кормят снизу, возят снизу и чинят снизу.

Дед Яр кивнул.

— И подпирают снизу. Только наверху не любят это помнить.

Вот именно.

Город, как любая большая конструкция, держался не на красивом фасаде. Он держался на тех местах, куда никто из чистых людей не любил смотреть.

— Идёте до старой рампы, — сказал я. — Не трогаете металл. Не входите в воду. Камень смотрит дед Яр. Дарен ставит метки только на сухом. Сенька ничего не “просто посмотрит руками”.

— Я чувствую недоверие.

— Оно не чувство. Оно опыт.

— Обидно, но справедливо.

— Если найдёте красный камень, знак артели, обратную воду, холодный металл — отмечаете, не разбираете. Образцы брать только сухие, маленькие и без свечения.

Дарен записывал.

Остап тоже.

Остап вообще записывал так, будто сама возможность забыть была личным врагом.

— Если появится человек от канцелярии? — спросила Лиска.

Горн ответил:

— Допускаем наблюдение. Не допускаем вмешательство.

— А если он будет мешать?

— Записываем.

Сенька вздохнул.

— Раньше людей, которые мешают, били.

— Поэтому у тебя такая богатая биография, — сказала Лиска.

Команда ушла через час.

И дом сразу стал слишком тихим.

Это было странно.

Когда работаешь сам, страх простой: успеешь или нет, увидишь или нет, выдержишь или нет.

Когда отправляешь других — страх становится шире.

Ты начинаешь понимать, сколько всего может пойти не так без твоего присутствия. Человек может наступить не туда. Посмотреть не туда. Решить, что “ещё шаг” ничего не изменит. Умный может переоценить ум, сильный — силу, быстрый — скорость.

А ты лежишь на тюфяке и изображаешь центр управления.

В старой жизни у нас были диспетчерские. Связь. Схемы.

Радио. Датчики.

Здесь у меня был Мишка с углём, Лиска у двери и бегуны, которые могли забыть половину слов, если по дороге увидят драку.

Прогресс человечества, видимо, шёл неравномерно.

Первый бегун пришёл через два часа.

Мальчишка от Трофима. Грязный, довольный, с куском мела за ухом.

— Дошли до нижней ramпы, — выпалил он. — Дарен сказал: “без происшествий”. Потом Сенька сказал: “пока”. Потом Остап сказал: “записано”.

— Отлично. Что нашли?

Мальчишка достал завернутый в тряпку маленький каменный осколок.

Лиска сначала взяла тряпку, проверила, не холодная ли. Умница.

Потом положила на стол передо мной.

Камень был красноватый, плотный, с мелкими светлыми прожилками. Даже без Контра видно было: не местная нижняя дрянь, из которой строили всё, что должно было просто дожить до весны.

Я сузил взгляд.

Только образец.

[Образец материала]

Тип: верхнегородский строительный камень.

Среда установки:повышенная влажность;низовая опор-

ная зона.

Возраст установки: 18–25 лет.

Разломная остаточность: низкая.

Связь с К-4: вероятная.

Примечание: материал использован не по стандартному назначению для нижней сырой зоны.— Верхнегородский камень, — сказал я.

Мишка записал.

— Возраст совпадает.

— С чем? — спросил мальчишка.

— С плохим решением.

Он удовлетворился этим ответом, потому что в Нижних почти все старые вещи совпадали с плохими решениями.

Вторая новость пришла не мальчишкой.

Вернулся сам Сенька.

Без разрешения, конечно.

Грязный по пояс, с блестящими глазами.

— Там знак.

— Какой?

Он вытащил деревянную дощечку, на которой быстро нацарапал три косые линии и точку.

Дед Яр был прав.

Северная артель.

— На камне? — спросил я.

— На боковой стене ramпы. Старый, почти стёртый. Дарен хотел зарисовать, но я сказал, что я быстрее. Он сказал,

что это не соревнование. Я сказал, что он проигрывает.

Лиска вздохнула.

— Ты вернулся только для этого?

— И чтобы сообщить, что я жив, красив и полезен.

— Первое важно, второе спорно, третье проверим.

Я посмотрел на знак.

— Значит, жетон был не памятью старого возчика, — сказал Сенька уже серьёзнее. — Это был пропуск туда, где никто не должен был помнить дорогу.

Хорошая мысль.

Неожиданно точная.

— Возвращайся, — сказал я. — И не трогай ничего синего, холодного, мокрого, металлического, странного или привлекательного.

— То есть почти всё интересное.

— Именно.

Он ушёл.

Через полчаса пришёл Дарен.

Не лично — через гильдейского бегуна.

Записка была короткой:

“Старая рампа подтверждает использование верхнего камня. Знак северной артели. Сухой канал рядом с рампой реагирует на метку. Направление не вниз. Возможна обратная тяга. Требуется указание.”

Я перечитал два раза.

Обратная тяга.

Вот оно.

Если нижний узел заткнули, давление не исчезло.

Оно просто нашло, где ждать.

Я закрыл глаза и сложил карту в голове.

К-4 — заблокирована.

Красный двор — старое запечатывание.

Бойня — боковое проявление.

Северная канава — остаточная проводимость.

Рампа — верхний камень.

Сухой канал — реакция вверх.

Не сброс вниз.

Возврат.

Или перенаправление.

— Мишка, новая дощечка.

Он уже держал.

— Пиши: “Гипотеза. Старый контур не разомкнут. Нижний узел блокирован. Давление возможно перенаправлено вверх по северо-западному товарному маршруту.”

Лиска стояла рядом.

— Это плохо?

— Да.

— Насколько?

— Если правда — это уже не бедняцкая авария.

— А какая?

— Городская. Просто пока внизу видны первые трещины.

Лиска молчала.

Потом сказала:

— Значит, наверху начнут шевелиться.

— Не сразу. Сначала попробуют доказать, что трещина нижняя.

— А если не получится?

— Тогда найдут того, кто сказал первым.

— Тебя.

— Нас.

Она не поправила.

К вечеру вернулись все.

Кроме Трофима, который остался договариваться на грузовом дворе, чтобы завтра не закрыли проход “из-за внезапных хозяйственных причин”. В переводе с местного это означало: дать кому-то медь, кому-то угля, кому-то слух, а кому-то понять, что лучше не быть препятствием.

Дарен выглядел усталым, но живым.

Дед Яр был доволен как человек, который нашёл старую трещину и теперь может всем говорить, что она была там с самого начала.

Остап Сухарь принёс три дощечки записей.

Сенька принёс грязь, чужой гвоздь и очень важный вид.

— Гвоздь не трогать, — сразу сказала Лиска.

— Я его уже не трогаю.

— Почему он у тебя?

— Он исторический.

Остап сказал:

— Он хотел его поднять. Я сказал “не трогать”. Он сказал “технически думаю”. Я забрал палкой.

— Я был на грани научного открытия.

— Ты был на грани холодового ожога, — сказал Дарен.

— Тоже открытие.

Дарен сел за стол и разложил записи.

— Старая рампа. Верхнегородский камень в нижней опоре. Установка не соответствует влажной зоне. Знак северной артели на боковой кладке. Сухой канал на два локтя выше ramпы. При установке метки вода в трещине пошла вверх по склону на три пальца.

— На сухом канале вода? — спросил я.

— Не вода. Конденсат. Сначала сухо. Потом выступила влага и потянулась вверх.

— Температура?

— Падала. Не сильно. Но метка запотела инеем с верхнего края.

— Металл?

— Была старая цепь у ramпы. Сенька...

— Не виноват, — сказал Сенька.

Остап сухо добавил:

— Виноват.

Дарен продолжил:

— Он хотел посмотреть. Цепь начала синеть до касания. Я остановил.

— Ты остановил? — спросил я.

Дарен смутился.

— Да.

Сенька возмутился:

— Так говоришь, будто я собирался её обнимать.

— Ты протянул руку.

— Технически — думал.

— Не трогать — это не состояние руки, а состояние головы, — сказал я.

Сенька задумался.

— Обидно философски.

Дарен положил на стол маленькую гильдейскую метку, завернутую в сухую ткань.

— После реакции я снял показания.

Он протянул дощечку.

Я прочитал.

Сопоставил с картой.

Контур мигнул:

[Верхняя тяга подтверждена]

Направление остаточного напряжения: северо-запад / вверх по склону.

Риск: локальный холодовой сброс при металлическом контакте.

Вывод: старый контур не разомкнут. С высокой вероятностью перенаправлен.

Связь с К-4: усилена. — Они не закрыли старый контур, — сказал я.

Мишка поднял голову.

— А что сделали?

Я посмотрел на карту.

На Верхний город, пока ещё обозначенный всего несколькими линиями.

— Переложили проблему туда, где она дольше не должна была пахнуть бедностью.

Тихо стало даже для нашего дома.

Дед Яр медленно кивнул.

— Могли сделать как аварийную меру.

— Могли, — сказал я.

— Могли спасти верхний участок.

— Могли.

— А потом забыть.

— Или сделать вид, что забыли.

Горн, который пришёл почти сразу после полевой команды, слушал молча. Когда я закончил, он подошёл к карте.

— Это надо записать осторожно.

— Да.

— Сомов получит копию.

— Да.

— Вельский попробует сказать, что это домыслы.

— Поэтому нужен канцелярский наблюдатель.

Лиска нахмурилась.

— Ты сам просишь человека Сомова?

— Нет. Я прошу, чтобы его человек записал то, что потом

Сомов не сможет назвать слухами.

Горн посмотрел на меня.

— Учишься работать с бумагой.

— Ненавижу.

— Это помогает.

На следующее утро появился Ефим Ладов.

Молодой.

Чистый.

Слишком прямой спиной.

Форменный кафтан канцелярского помощника. Дощечка, перо, маленький футляр с печатью наблюдателя. Лицо без злобы, но с выражением человека, который верит: если всё записать правильно, мир обязан вести себя прилично.

Бедный.

— Ефим Ладов, — представился он. — Канцелярия внутреннего надзора уведомлена о трассировке верхнего направления. Я назначен наблюдателем.

Сенька наклонился к Лиске.

— Выглядит как человек, который гладит носки.

— Молчи.

Ладов услышал, но сделал вид, что нет.

Плюс ему.

— Вы будете мешать? — спросил я.

Он моргнул.

— Я буду наблюдать и фиксировать.

— Обычно это и есть мешать, только с чистыми руками.

— Моя задача — обеспечить достоверность сведений, передаваемых канцелярии.

— Тогда сегодня вам повезло. Мы как раз хотим, чтобы вы записали неприятную вещь.

— Какую?

— Верхний город может быть связан с риском старого контура.

Ладов напрягся.

— Формулируйте точнее.

— Вероятна угроза верхнему участку при дальнейшем вмешательстве в северо-западные линии.

— Это серьёзное утверждение.

— Да.

— Требуется подтверждения.

— Поэтому вы здесь.

Он не понравился Лиске.

Но мне — отчасти понравился.

Он был правильный.

Правильные люди опасны, когда правила плохие.

Но полезны, когда заставляешь их записать правильный риск.

Ладов отправился со второй группой к рампе вместе с Дареном, Остапом и дедом Яром. Сенька увязался сам. Трофим вёл.

На этот раз я потребовал, чтобы всё описывали сразу двумя языками: гильдейским и человеческим.

Гильдейский для Горна.

Канцелярский для Ладова.

Человеческий для тех, кто будет бежать, если что-то пойдёт плохо.

К полудню пришёл первый отчёт Ладова.

Слишком аккуратный.

“На старой нижней товарной рампе выявлены признаки нехарактерной остаточной реакции материалов при постановке гильдейской метки...”

— Нет, — сказал я.

Мишка остановил запись.

Лиска посмотрела на меня.

— Что?

— Это можно похоронить в архиве за три минуты.

Я взял дощечку и продиктовал:

— “При проверке старой товарной рампы обнаружена реакция линии в направлении северо-западного верхнего участка. Металлический контакт вызывает холодовой отклик. Дальнейшие работы без согласования могут создать угрозу верхнему складу и прилегающим строениям.”

Мишка записал.

— Это жёстко, — сказал Дарен, вернувшийся вместе с отчётом.

— Это понятно.

Ладов, который вошёл следом, услышал последнюю фразу.

— Вы не можете требовать от канцелярии включения непроверенной угрозы в первичный отчёт.

— Могу.

— На основании чего?

— На основании того, что если вы это не запишете, завтра это станет не отсутствием угрозы, а вашим отсутствием зрения.

Он побледнел.

Не от страха.

От того, что понял: если угроза подтвердится, его мягкая формулировка станет не осторожностью, а сокрытием.

Ладов сел.

Перечитал обе версии.

— “Вероятная угроза”, — сказал он.

— Согласен.

— “При дальнейших работах без согласования”.

— Да.

— “Требуется проверка верхнего склада”.

— Обязательно.

Он переписал.

Вот так бумага иногда становилась полезной.

Не потому что писатель честный.

А потому что ответственность положили прямо на линию.

Вторая половина дня дала ещё два подтверждения.

Сухой канал действительно шёл не туда, куда должен был идти по старой схеме.

Красный камень встречался не только на рампе, но и в боковой стене старого подъёма.

Северная артель оставила минимум три знака, два почти стёртых, один под слоем извести.

Дед Яр сказал:

— Они шли вверх, но не строили новую линию. Они закрывали старые швы и направляли тягу в верхний сбор.

— Верхний сбор? — спросил я.

— Если там есть старый приёмный колодец или сухой накопитель. По уму должен быть. По бумаге — не знаю.

— А если его нет?

Старик посмотрел на меня.

— Тогда давление ищет, где стать бедой.

К вечеру пришла новость.

Не от Сеньки.

Не от Трофима.

От гильдейского бегуна.

Парень прибежал запыхавшийся, с бледным лицом и меткой Горна на поясе.

— Верхний склад, — сказал он.

Горн, стоявший у карты, повернулся.

— Что?

— У северо-западного верхнего склада лопнула медная водосточная труба. Без мороза. Вода внутри замёрзла и разорвала её изнутри. Один слуга получил холодовой ожог ладони, когда хотел убрать кусок.

Ладов был ещё в комнате.

Он медленно встал.

— Когда?

— Полчаса назад. Гильдейский пост вызвали уже после.

Управский надзор пытается закрыть двор.

— Цвет камня? — спросил я.

Бегун заморгал.

— Что?

— Стена возле трубы. Камень какой?

— Красный. Верхний. С белыми прожилками.

Дед Яр тихо выругнулся.

Горн подошёл к карте и поставил тяжёлый палец на верхний склад.

— Это уже Верхний город.

Я смотрел на линию от К-4 к рампе, от рампы к серпантину, от серпантина к складу.

— Нет, — сказал я. — Это всё тот же контур. Просто теперь он перестал уважать границы.

Ладов, бледный, сел обратно и начал писать.

На этот раз быстро.

Без споров.

Сенька, который к вечеру снова материализовался у окна, тихо сказал:

— Теперь наверху тоже синее не трогать?

— Теперь наверху сначала попробуют выяснить, кто виноват, что оно синее, — ответила Лиска.

— А потом?

Я посмотрел на карту.

— Потом, если не будут совсем идиотами, начнут слушать.

Горн мрачно усмехнулся.

— Ты оптимист.

— Нет. Просто если они не начнут слушать, следующий хлопок услышит уже не только Нижний город.

Мишка записал.

Остап у двери тоже.

Ладов тоже.

Три записи одной фразы.

Хорошо.

Некоторые вещи полезно фиксировать в нескольких местах, чтобы потом сложнее было делать вид, что никто не предупреждал.

Поздно вечером, когда бегуны ушли, Ладов отправил свой доклад Сомову.

С формулировкой:

“Вероятная угроза верхнему участку при дальнейшем вмешательстве подтверждается первичным инцидентом у северо-западного склада.”

Он сопротивлялся этой фразе целый день.

А потом верхний склад сам заставил его написать.

Иногда реальность — лучший редактор.

Я лежал, глядя на карту.

Усталость была тяжёлой.

Но другой.

Не от раны.

От того, что объект рос.

Сначала тело.

Потом дом.

Потом двор.

Потом квартал.

Потом старый контур.

Теперь Верхний город.

Каждая новая линия показывала: система больше, чем мы думали. И сломана она была не вчера.

Мы искали маршрут вверх.

А он, похоже, уже сам начал стучать в верхние стены.

Глава 2. Верхний склад

Иногда, чтобы увидеть трещину, приходится входить в дом через дверь того, кто эту трещину красил.

В Верхний город меня не повели.

Меня повезли.

Разница, как выяснилось, была важной только для гордости. Для раны — почти никакой. Любая кочка, любой перекоп колеса, любой слишком честный камень мостовой отзывался в боку тупой, горячей болью.

Устинья была против.

Лиска была против.

Арина молчала так, что это было хуже любого “против”.

Горн сказал:

— Если верхний склад подтвердит линию, это уже не слух.

Сомов, приславший разрешение через Ладова, ответил письменно. Сухо, ровно и неприятно:

“Допустить Лютова Макара к ограниченному осмотру северо-западного верхнего склада в присутствии гильдейского мастера, канцелярского наблюдателя и ответственного управляющего. Публичные заключения запрещены. Расширение Красной карты за пределы Нижних Клиньев запрещено без утверждения.”

Лиска прочитала вслух и сказала:

— Он тебя на поводке ведёт.

— Нет, — сказал я. — Он открывает дверь и считает, что держит ручку.

— Разница?

— Ручку можно отпустить в неподходящий момент.

Она не улыбнулась.

— Если тебе станет хуже, я тебя унесу.

— Ты меня не унесёшь.

— Тогда прикажу Гвоздю.

Гвоздь, стоявший у двери, кивнул.

— Унесу.

— Все сегодня очень заботливые, — сказал я.

— Все сегодня не хотят объяснять Арине, почему ты умер в богатом дворе, — сказала Лиска.

На этом разговор закончился.

Потому что с такими доводами не спорят.

Перед выездом Устинья проверила повязку, дала горький отвар, посмотрела на меня как на человека, который сам лезет под падающую балку, а потом сказал:

— Если начнёшь бледнеть больше обычного, не геройствуй.

— Я вообще не герой.

— Вот и не начинай с такого глупого возраста.

— Мне семнадцать.

— Душой — старше. Глупостью — всё равно семнадцать.

Это было неприятно близко к правде.

Верхний город начинался не с ворот.

Он начинался с того момента, когда грязь на улице переставала быть общей обязанностью.

Сначала исчезали глубокие канавы. Потом дома выпрямлялись. Потом камень под колёсами становился ровнее. Потом люди переставали смотреть на тебя как на соседа, возможного вора или будущего покойника — и начинали смотреть как на пятно, которое зачем-то везут вверх.

Чем выше мы поднимались, тем меньше было грязи на улицах и тем больше — в причинах.

В Нижних бедность пахла открыто: дымом, сыростью, больным телом, гнилой водой, дешёвой едой.

В Верхнем всё пахло чистотой, известью, свежим деревом, хорошей кожей, печным теплом и закрытыми окнами.

Но Контур, даже не включаясь полностью, зудел за глазами.

Камень был ровный.

Но не всегда спокойный.

Стены были белёные.

Но под ними всё равно шли старые линии.

Люди здесь лучше одевались.

Но это никак не мешало им бояться того же самого: потери денег, статуса, должности, отчёта, чужого взгляда.

Просто у них страх был вычищен и застёгнут на пуговицы.

Со мной ехали Горн, Дарен, Ладов, Остап и два гильдейских носильщика. Лиску официально не пустили.

Неофициально она шла где-то сзади.

Я не видел.

Но знал.

Такие люди, как Лиска, не исчезают, когда им запрещают. Они просто перестают быть частью официальной картины.

Сеньку Горн лично остановил у выхода из Нижних.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказал!

— Именно.

— А если я нужен?

— Ты всегда нужен там, где тебя нет.

— Это признание таланта?

— Это запрет.

Сенька обиделся.

Значит, появится позже.

Верхний склад стоял на северо-западном участке, у старого грузового двора.

Большое каменное здание из красного верхнегородского камня с белыми прожилками. Медные водосточные трубы. Широкий двор, вымощенный плитой. Высокие ворота. Крыша без дыр. Стены без плесени. Двери, которые закрывались с первого раза.

Почти неприличная роскошь.

Если ты привык, что дверь у дома сначала надо уговаривать.

У входа нас встретил управляющий.

Пётр Карпович Ланин.

Чистый кафтан. Острый нос. Нервные пальцы. Лицо человека, у которого беда случилась не потому, что кому-то обожгло руку холодом, а потому, что теперь это надо объяснять наверх.

Он поклонился Горну, кивнул Ладову, посмотрел на меня и сразу испортил выражение лица.

— Это он?

— Это Лютов, — сказал Горн.

— Мне сообщили, что он ранен.

— Верно.

— И из Нижних.

— Тоже верно.

Ланин поджал губы.

— У нас здесь не Нижние Клины, чтобы каждая лужа становилась событием.

Я посмотрел на двор.

Сухой.

Чистый.

Слишком спокойный.

— Именно поэтому ваша лужа уже лопнула медную трубу.

Дарен кашлянул.

Остап записал.

Ладов поднял глаза на Ланина с выражением человека, который мысленно попросил всех говорить так, чтобы это потом можно было вписать без пожара.

Ланин покраснел.

— Это была техническая неисправность.

— Конечно.

— Труба старая.

— Медная?

— Да.

— Лопнула изнутри?

— По предварительному осмотру — да.

— Воды внутри было много?

— Достаточно.

— Мороз был?

— Нет, но...

— Тогда у вас либо труба решила проявить независимость, либо это не обычная неисправность.

Горн сказал:

— Покажите место.

Ланин сжал губы.

Но повёл.

Труба была у северной стены.

Медная, толстая, дорогая. Разорванная изнутри так, будто вода внутри мгновенно стала льдом и решила, что металл — плохая тюрьма. Края разрыва были выгнуты наружу. Вокруг на красном камне остались белёсые следы инея, хотя день был сырой, но не холодный.

Рядом стоял молодой слуга с перевязанной рукой. Бледный. Испуганный. Он старался не смотреть на трубу.

— Он? — спросил я.

Ланин резко сказал:

— Слуга не имеет отношения к делу.

— Его рука имеет.

Горн повернулся к слуге.

— Что произошло?

Тот посмотрел на Ланина.

Потом на Горна.

Потом на Ладова.

Потом, неожиданно, на меня.

Наверное, потому что я выглядел единственным человеком, которому прямо сейчас было не до соблюдения складского достоинства.

— Вода перестала идти, господин. Управитель велел проверить. Я тронул трубу, она была холодная. Слишком. Потом... треск. И будто иглы в руку.

— Видел синий цвет? — спросил я.

Он побледнел ещё сильнее.

— Да. На миг.

— Где?

— Здесь. У крепления.

Он показал на медную скобу, удерживающую трубу у стены.

Скоба была снята, но след остался — тёмный круг на камне.

— Хорошо, — сказал я.

— Хорошо? — возмутился Ланин.

— Хорошо, что он это запомнил.
Я посмотрел на скобу, трубу, стену.

Не весь склад.

Только северная стена.

Только труба.

Только холодовой след.

Контур откликнулся быстро и резко.

[Фокусированный анализ]

Объект: северо-западный верхний склад.

Материал: верхнегородский красный камень.

Связанные элементы: водосточная труба; медное крепление; сухой подземный канал; старая приёмная камера; остаточный контур К-4.

Разломная активность: 6%

Направление напряжения: снизу вверх / северо-запад.

Риск: локальный холодовой сброс; повторное промерзание металлических элементов; реакция при попытке перекрытия канала.

Рекомендация: не перекрывать; разгрузить; проверить боковой отвод. Голова заняла.

Но терпимо.

— Это не труба, — сказал я.

Ланин поднял брови.

— Разумеется, труба.

— Труба — место, где проявилось. Не причина.

— Вы осмотрели стену две минуты.

— Ей хватило.

Ланин повернулся к Горну.

— Мастер Горн, я надеюсь, гильдия не будет строить выводы на основании фраз раненого мальчишки?

Горн спокойно ответил:

— Гильдия будет строить выводы на основании следов, меток, осмотра и того, что раненый мальчишка уже несколько раз оказался прав.

Ланин замолчал.

Не потому что согласился.

Потому что Горн говорил тоном балки, на которую лучше не опираться с глупым выражением лица.

Дарен ставил метку у стены. Ладов записывал. Остап следил, чтобы никто не подходил к трубе. Слуга держал руку и смотрел так, будто впервые понял: чистый двор тоже может кусаться.

Дед Яр, которого привезли чуть позже на отдельной телеге — старик отказался ехать с нами, потому что “верхние вozy слишком гладкие, от них спина не верит дороге”, — обошёл двор, постучал палкой по плитам и остановился у декоративного каменного круга возле северной стены.

Круг был выложен красиво.

Слишком красиво для простой водосточной детали.

— Вот, — сказал дед.

— Что? — спросил Ланин.

— Вы называете это украшением?

— Это старый водосборный круг.

— Старый — да. Водосборный — только если очень не договаривать.

Я посмотрел туда.

Круг из красного камня, центр запечатан более светлой плитой, по краю следы старого раствора. На первый взгляд — декоративный слив. На второй — крышка. На третий — узел.

Контур подтвердил.

[Фокусированный анализ]

Объект: запечатанный каменный круг.

Функция: старая приёмная камера.

Связь: сухой подземный канал; верхний сбор остаточного напряжения; перенаправленный участок старого контура.

Состояние: частичная блокировка; давление в боковом отводе; металлические элементы усиливают холодовой отклик. — Приёмный колодец, — сказал я.

Ланин сразу возразил:

— Никакого колодца в документах склада нет.

— Тогда он не должен работать?

— Его нет.

— Скажите это трубе.

Ладов поднял перо.

— Формулировка?

— Запечатанный каменный круг с признаками старой приёмной камеры, связанной с сухим подземным каналом.

Ладов записал.

Ланин резко шагнул к нему.

— Это предварительное предположение!

Горн сказал:

— Так и пишите: предварительное. Но пишите.

Ладов записал “предварительно”.

Иногда одно слово спасает чиновнику лицо, а нам — факт.

Мы едва успели поставить вторую метку, когда двор изменился.

Сначала это почувствовал слуга.

Он отшатнулся от стены и прижал перевязанную руку к груди.

Потом я увидел, как на медном остатке крепления выступает тонкий синий налёт.

Затем вода в каменном желобе у стены пошла назад.

Медленно.

Но достаточно, чтобы всем стало не по себе.

— Отойти от металла, — сказал я.

Остап повторил громче:

— Отойти от металла.

На этот раз послушались почти все.

Ланин не сразу.

Он смотрел на желоб с лицом человека, который видит, как отчёт уходит под воду.

— Надо перекрыть слив, — сказал он. — Если вода пой-

дёт во двор...

— Не перекрывать, — сказал я.

— Но она пойдёт в нижний двор!

— Разгрузить. Открыть боковой слив.

— Это затопит нижний двор!

— Лучше мокрый двор, чем холодовой выброс в стену.

— Вы не можете распоряжаться складом!

— А вы не можете спорить с водой, которая течёт против уклона.

Горн уже двигался.

— Дарен, боковой отвод. Дед Яр, где?

Старик ткнул палкой в край каменного круга.

— Под этой плитой должен быть старый боковой канал.

Если не совсем всё замуровали.

— Инструмент! — крикнул Горн.

Рабочие склада замялись.

Ланин не дал приказа.

И это была та самая опасная секунда, когда авария любит превращаться в катастрофу: все видят, что надо делать, но ждут, кто первым возьмёт на себя ответственность.

— Открыть боковой отвод, — сказал Ладов.

Все повернулись к нему.

Он сам, кажется, удивился своему голосу.

Но перо уже лежало у него в руке, а на лице появилась странная упрямая бледность.

— Внести в протокол: действие выполняется по аварийно-

му указанию гильдейского мастера Горна, при наблюдении канцелярии, с целью предотвращения холодового сброса в северную стену.

Горн посмотрел на него.

— Хорошо.

Ладов кивнул.

Ланин понял, что проиграл.

Временно.

Рабочие принесли лом.

— Не металл к камере! — рявкнул я.

Они замерли.

— Деревянные клинья. Каменный молот. Верёвка. Если железом полезете в активный шов, получите ещё одну трубу, только с руками.

Ланин прошипел:

— У нас не мастерская бедняков.

— Зато физика та же.

Дед Яр хмыкнул.

— Несите дерево, чистые.

Не знаю почему, но его послушались быстрее.

Может, потому что он говорил не как бедняк, а как старый мастер, которому плевать, у кого какие сапоги, если камень стоит плохо.

Плиту открывали медленно.

Очень медленно.

Я следил за линиями через Контур короткими взглядами,

чтобы не сорваться в расширенный анализ. Тело и так начинало напоминать, что я не зритель в театре, а пациент, который слишком долго делает вид, что просто удобно лежит на носилках.

Каменный круг скрипнул.

Синий налёт на меди стал ярче.

Желоб у стены поднял воду ещё на два пальца.

— Стоп, — сказал я.

Все замерли.

— Дальше не вверх. В сторону. Дед, подскажите.

Дед Яр ругнулся, переставил клин.

— Теперь.

Плита сдвинулась.

Не поднялась.

Именно сдвинулась, открыв узкую тёмную щель сбоку.

Из неё выдохнул холодный воздух.

Не мороз.

Хуже.

Сухой холод, который не охлаждает кожу, а сразу напоминает костям, что они временные.

Дарен отступил.

Остап поставил перед рабочими руку.

— Не подходить.

Вода в желобе дёрнулась.

Потом пошла в открывшуюся боковую щель.

Сначала тонко.

Потом увереннее.

Медный налёт начал бледнеть.

Контур мигнул:

[Временная стабилизация выполнена]

Разломная активность: 6% → 3%

Риск холодового сброса: средний → низкий при сохранении открытого отвода.

Предупреждение: полное перекрытие канала приведёт к росту давления.

Рекомендация: северо-западную часть склада ограничить; металлические элементы в зоне камеры удалить; установить постоянное наблюдение. Я выдохнул.

Слишком резко.

Бок ответил болью.

Лиска, которой официально здесь не было, вдруг оказалась у моих носилок.

— Дыши ровно.

Ланин увидел её.

— Кто это?

— Моя плохая привычка выживать, — сказал я.

— Посторонние не допущены!

Лиска даже не посмотрела на него.

— Дыши, я сказала.

Я дышал.

Потому что спорить с ней было опаснее, чем с Верхним складом.

Ладов подошёл ближе.

— Формулировка для протокола?

Я посмотрел на него.

Он уже держал перо.

Хороший знак.

— Пишите не то, что удобно. Пишите то, что потом не сможет сказать: “меня не предупреждали”.

Ладов кивнул.

— Северо-западный верхний склад предварительно связан со старым перенаправленным контуром. Инцидент с медной трубой является проявлением холодового отклика в зоне приёмной камеры. Полное перекрытие канала опасно. Требуется ограничение участка, удаление металла и гильдейское наблюдение.

— Хорошо, — сказал я.

— Недостаточно осторожно, — сказал Ланин.

— Зато достаточно живо, — сказал Горн.

Ладов записал.

Не мягко.

Не расплывчато.

Записал так, что потом это будет трудно превратить в “локальную неисправность”.

Именно в этот момент приехал Сомов.

Не спеша.

Конечно.

Такие люди редко бегут даже к аварии. Они появляются

тогда, когда уже ясно, кто успел сказать что-то опасное.

Он вошёл во двор, осмотрел разорванную трубу, открытый боковой отвод, белёсый след на красном камне, метки гильдии, лицо Ланина, записи Ладова и меня на носилках.

Сомов умел смотреть сразу на всё.

Не глазами даже.

Системой.

— Значит, линия действительно поднялась, — сказал он.

— Нет, — ответил я. — Она всегда была здесь. Просто теперь перестала молчать.

Он посмотрел на меня.

Потом на Горна.

— Ваш вывод?

Горн сказал:

— Северо-западную часть склада закрыть немедленно. Камеру оставить открытой под наблюдением. Металл из зоны убрать. Работы в нижнем и верхнем участках синхронизировать. Без этого следующий сброс может пойти в стену, склад или соседний двор.

Ланин шагнул вперёд.

— Закрыть часть склада невозможно! Там товар. Поставки. Херцогские договоры. Ответственность...

— Именно, — сказал Сомов.

Ланин замолчал.

Сомов говорил тихо.

Но в этом “именно” было больше приказа, чем в крике.

— Северо-западная часть склада временно опечатывается, — сказал Сомов. — Не склад целиком. Часть. Товар вывести после гильдейской оценки, без металла в зоне камеры. Боковой отвод не закрывать. Ладов, зафиксируйте.

— Уже, — сказал Ладов.

Сомов посмотрел на него.

— Хорошо.

Ладов впервые за всё время выглядел так, будто не знает, приятно ему это или опасно.

Сомов подошёл к каменному кругу.

Не близко.

Умный.

— Старый приёмный узел.

— Похоже, — сказал Горн.

— Похоже — не достаточно.

— Сегодня достаточно, чтобы не замуровывать обратно.

Сомов кивнул.

— Согласен.

Это было неожиданно.

Ланин побледнел.

Наверное, потому что до этого момента надеялся, что канцелярия спасёт отчёт от гильдии. А канцелярия спасала себя от будущего отчёта, где могла оказаться фраза “не предупреждали”.

Сомов повернулся ко мне.

— Ваше участие было полезным.

— Запишите, пока не передумали.

— Уже.

— Тогда день почти удался.

— Не обольщайтесь, Лютов. Полезность не отменяет опасность.

— Я уже начал это подозревать.

Он смотрел на меня спокойно.

— Вы были правы насчёт верхнего риска.

— Это хорошо?

— Нет. Теперь придётся объяснять, почему вы были правы раньше тех, кому положено.

— Удачи.

— Это коснётся и вас.

— Конечно. Мне вообще везёт на чужие объяснения.

Сомов почти улыбнулся.

Почти.

— До следующей проверки.

— Их будет больше?

— Если контур продолжит говорить.

— Он не говорит. Он трещит.

— Тем хуже. Трещины обычно слышат поздно.

С этим я спорить не стал.

Когда нас вывозили со склада, Ланин стоял у северной стены и смотрел на опечатанный участок так, будто у него отрезали не склад, а кусок репутации.

Слуга с перевязанной рукой сидел у двери. Я кивнул ему.

Он кивнул в ответ.

Маленький жест.

Но важный.

Теперь он знал, что синий металл не трогают.

Даже наверху.

Дорога обратно казалась длиннее.

Верхний город провожал нас взглядами. Чистыми, осторожными, раздражёнными. Люди видели носилки, Горна, Ладова, гильдейские метки, печать Сомова. Они не знали подробностей, но уже понимали: что-то случилось не внизу.

Это было для них новым опытом.

И неприятным.

В Нижних, когда стена трещала, люди хотя бы ругались и отскакивали.

В Верхнем городе стена могла синеть, труба — лопаться от внутреннего льда, а управляющий всё ещё спрашивал, можно ли не портить отчёт.

И я вдруг понял: наверху аварии не меньше.

Просто там её дольше называют порядком.

Лиска шла рядом, всё ещё официально отсутствуя.

— Ты доволен? — спросила она.

— Нет.

— Но?

— Теперь они не смогут сказать, что это только Нижние.

— Скажут что-нибудь другое.

— Конечно.

— Что?

— Что мы слишком рано подняли шум.

— А если бы не подняли?

— Сказали бы, что никто не предупреждал.

Она усмехнулась.

— Удобные люди.

— Очень. Поэтому опасные.

У гильдейских ворот Горн остановился.

— Тебя домой.

— А склад?

— Я остаюсь. Сомов тоже. Ладов будет писать до ночи.

Дарен — ставить метки. Дед Яр — ругаться на кладку.

— То есть всё под контролем.

Горн посмотрел на меня.

— Не говори так. Плохая примета.

Правильно.

На объекте, где кто-то говорит “всё под контролем”, обычно просто ещё не нашли главный дефект.

Дом встретил дымом, лекарством, кашлем Арины и Мишкой, который выбежал к двери с журналом.

— Что там?

— Верхний склад не любит медь.

— Это писать?

— Нет. Пиши: верхний склад подтверждает связь с перенаправленным контуром. Северо-западная часть ограничена. Боковой отвод открыт. Металл убрать. Наблюдение обя-

зательно.

Он записал.

Потом спросил:

— А люди наверху испугались?

Я подумал.

— Не сразу.

— Почему?

— Потому что сначала они пытались понять, как это будет выглядеть в отчёте.

Мишка нахмурился.

— Это глупо.

— Это верхняя разновидность страха.

Арина слушала с закрытыми глазами.

— Значит, оно и там?

— Да, мам.

— Тогда, может, они наконец поймут.

Я посмотрел на карту.

На линию, которая теперь уже не была пунктиром.

— Может.

Но я в это не верил полностью.

Люди редко понимают, когда опасность приходит к соседу.

Чуть чаще — когда к ним.

Но даже тогда сначала ищут виноватого, потом объяснение, и только потом — решение.

Если доживают до “потом”.

Поздно вечером принесли копию первичного протокола Ладова.

В нём была фраза:

“Вероятная связь верхнего склада со старым перенаправленным контуром подтверждена первичным осмотром.”

Я прочитал её три раза.

Не потому что она была красивая.

Она была тяжелая.

Как временная подпорка, которую наконец поставили не туда, где удобно, а туда, где давит.

Верхний склад не был началом старого контура.

Он был доказательством, что чужая ошибка давно научилась носить чистый камень.

Глава 3. Северная артель

Камень помнит лучше людей.

Люди врут, стареют, боятся, умирают, меняют имена и прячут руки.

Камень просто стоит.

Если его поставили неправильно, он молчит двадцать лет, а потом всё равно начинает говорить трещиной.

После Верхнего склада у меня появилось неприятное чувство: мы нашли не начало, а след от чужой руки.

Красный камень.

Три косые линии и точка.

Старые швы.

Приёмная камера.

Холодовой отклик.

Всё это говорило одно: кто-то когда-то не просто “ремонтировал” старый контур. Кто-то знал, куда класть камень, какие швы закрывать, куда пустить тягу и где оставить систему дышать.

А значит, был мастер.

Или мастера.

А мастера, в отличие от чиновников, редко исчезают совсем. Даже если сами умирают, остаются их знаки, привычки, неправильные швы и люди, которые когда-то таскали за ними камень.

Дед Яр сидел у нашего стола, положив обе руки на палку. Перед ним лежали зарисовки знака северной артели, осколок красного камня и копия протокола Ладова.

Старик молчал долго.

Когда старый мастер молчит над камнем, лучше не торопить. Он не думает. Он вспоминает руками.

Наконец дед Яр сказал:

— Северная артель.

— Мы уже поняли, — сказал Сенька.

— Нет, — старик поднял на него глаза. — Ты увидел знак. Понять — другое.

Сенька открыл рот, подумал и закрыл.

Редкий случай технического прогресса.

Дед Яр постучал пальцем по дощечке с тремя чертами и точкой.

— Они не были самыми богатыми. Не были самыми любимыми. Верхние мастера их презирали за грубость. Нижние боялись, потому что если северных зовут — значит, всё плохо. Но держали они крепко.

— Что строили? — спросил Мишка, уже готовый писать.

— Подпорные стены. Старые водоотводы. Грузовые рамы. Каменные обводы. Сухие каналы. Всё, что должно стоять там, где земля мокрая, склон упрямый, а хозяин хочет дешевле.

— И старый контур? — спросил я.

Дед Яр посмотрел на меня.

— Если бы кому и доверили трогать старое подземное, то им.

— Почему?

— Потому что северные не строили красиво. Они строили так, чтобы держалось.

— А потом?

— Потом им начали давать работы, которые должны были держаться и молчать.

Вот оно.

Держаться и молчать.

Иногда это называли ремонтом.

Иногда — государственной необходимостью.

Иногда — преступлением, которое ещё не решило, кем станет в архиве.

— Кто остался? — спросил Горн.

Он пришёл к нам утром, сразу после гильдейского совещания. Выглядел так, будто ночь спал мало, а ругался много. Впрочем, у Горна и в хорошем состоянии было лицо человека, которому не нравится качество чужой кладки.

Дед Яр не ответил сразу.

Потом сказал:

— Прокоп Седых.

— Жив? — спросил Ратников.

— Если упрямство считается жизнью — да.

— Кто он?

— Каменодел. Не главный мастер. Не писарь. Не надзор-

ник. Руки. Но хорошие руки. Носил камень, резал замки, ставил клинья, видел, где работали.

— Он будет говорить? — спросила Лиска.

Дед Яр усмехнулся.

— Нет.

— Тогда зачем идти?

— Потому что молчать он тоже будет не сразу.

Мне эта логика понравилась.

Почти.

— Где живёт?

— Старый каменный двор у нижних складов. Между Кли-
нами и грузовой дорогой. Там когда-то была мастерская се-
верных. Теперь — дыра с хорошими стенами.

— Я пойду, — сказал я.

Устинья, стоявшая у печи, даже не повернулась.

— Нет.

— Это недалеко.

— Для здорового.

— Меня донесут.

— Тебя уже слишком много носят туда, где ты потом ум-
ничаешь.

— Это часть лечения.

— Это часть похорон, если продолжишь.

Горн посмотрел на меня.

— Нужно, чтобы он увидел тебя.

— Почему?

— Потому что с Ратниковым он не заговорит. С Дареном — тоже. Со мной — может начать спорить как с гильдией. С дедом Яр — будет ругаться о старом. А с тобой...

— Что со мной?

— Ты не похож на тех, кто пришёл его карать. Ты похож на проблему, которая уже знает половину ответа.

— Очень лестно.

— Я не для лести.

Лиска сказала:

— Я иду.

— Конечно, — сказал я.

— Не “конечно”. Ты не решаешь.

— Я заметил.

Гвоздь тоже хотел идти, но дед Яр покачал головой.

— Слишком заметный. Старик увидит плечи и вспомнит людей, которые приходят не спрашивать.

— А если там опасно? — спросил Гвоздь.

— Там память, — сказал Ратников. — Это опаснее, но бить её трудно.

В итоге пошли я, Лиска, дед Яр и Остап Сухарь.

Ратников остался неподалёку, “не присутствуя официально”. Сенька исчез раньше нас, чтобы “проверить, нет ли хвоста”. Его никто не назначал. Это никогда ему не мешало.

Меня везли на узкой тележке, что само по себе было унижительно, но уже привычно. Я начинал подозревать, что моё новое тело запомнит этот город снизу вверх: потолки, балки,

лица над собой, небо между крышами и колёса чужих решений.

Старый каменный двор действительно оказался дырой с хорошими стенами.

Снаружи — покосившиеся ворота, заржавевшие петли, трава между плитами, старая вывеска без букв.

Внутри — камень.

Много камня.

Плиты, обломки, старые заготовки, клинья, ступени, куски арок, разбитые желоба. Всё лежало не как мусор, а как армия, которой давно не отдавали приказов.

В глубине двора стояла низкая мастерская.

Стены серые снизу, красноватые сверху. Смешанная кладка. Нижний камень и верхний. Хорошо поставленные углы. Никакой красоты. Только работа.

Контур отозвался сам, мягко.

[Фокусированный анализ]

Объект: старая каменная мастерская.

Состояние: устойчивое.

Материал: нижний серый камень; верхнегородский красный камень; старый известковый раствор.

Возраст ключевых элементов: 40–60 лет.

Особенность: кладка выполнена мастером высокой квалификации.

Риск обрушения: низкий. Я почти улыбнулся.

В Нижних редко встречалось слово “низкий” рядом с

риском.

Дверь открылась до того, как дед Яр постучал.

На пороге стоял старик.

Высокий когда-то, сейчас согнутый. Седые волосы, редкая борода, плечи каменщика, которые даже возраст не смог полностью забрать. Правая рука у него была скрючена, два пальца не сгибались. Левая держала короткий молоток.

Не для работы.

Для разговора.

— Яр, — сказал он.

— Прокоп.

— Не рад.

— Вижу.

— Тогда уходи.

— Не один пришёл.

— Тем более уходи.

Прокоп Седых перевёл взгляд на меня. На тележку. На повязку. На Лиску. На Остапа. На палку деда Яра.

— Писарей не вижу.

— Они умные, — сказал дед Яр. — Дальше стоят.

— Умные писари — хуже глупых.

— Знаю.

Прокоп поднял молоток чуть выше.

— Северной артели нет.

— А камни есть, — сказал я.

Он посмотрел на меня.

Медленно.

— Камни не допрашивают. Людей — да.

— Мы не за твоей виной пришли, — сказал дед Яр.

— За чужой тоже опасно.

— За старым контуром, — сказал я.

Прокоп замер.

Не сильно.

Но рука с молотком перестала двигаться.

— Уходите.

— Мы нашли знак, — сказал я.

— Мало ли где старьё лежит.

— На нижней товарной рампе. На верхнем складе. У К-4.

Прокоп побледнел.

Старики бледнеют иначе. Не быстро. Просто цвет уходит из лица, как вода из плохо закрытого канала.

— Где видел? — спросил он.

Лиска достала дощечку с тремя чертами и точкой.

Прокоп смотрел на знак долго.

Потом сказал:

— Тогда поздно.

Дед Яр шагнул ближе.

— Для чего?

— Для того, чтобы делать вид, будто камень молчит.

Он отступил внутрь.

— Заходите. Но если кто из ваших бумажников полезет за дверь, я больше не скажу ни слова.

Остап остался снаружи.

Лиска вошла первой.

Я — на тележке, которую дед Яр и Остап втащили через порог так осторожно, будто перевозили не меня, а плохо установленный заряд.

Мастерская внутри пахла каменной пылью, старым железом, холодной золой и временем.

На стенах висели инструменты. Не все рабочие. Некоторые явно просто не выбросили потому, что у мастера рука не поднимается выбросить то, чем когда-то кормили семью. В углу стоял стол из цельной плиты. На нём — резцы, клинья, обломки старых чертёжных дощечек.

Прокоп сел напротив.

— Говори, мальчишка.

— Макар Лютов.

— Я не спрашивал имя.

— Всё равно пригодится.

— Не факт.

Лиска тихо сказала:

— Старики сегодня соревнуются, кто вреднее.

Дед Яр ответил:

— Прокоп пока выигрывает.

Прокоп даже не посмотрел на них.

— Что нашли?

Я рассказал.

Не всё.

Но достаточно.

К-4.

Красный двор.

Верхний склад.

Холодовой отклик.

Старая приёмная камера.

Знак северной артели.

Прокоп слушал молча. Только левая рука иногда медленно сжимала край стола.

Когда я закончил, он закрыл глаза.

— Мы знали, что так будет.

В комнате стало тихо.

— Кто “мы”? — спросил Горн бы, если бы был здесь.

Я спросил мягче:

— Северная артель?

Прокоп открыл глаза.

— Те, кто умел читать камень. Не те, кто подписывал.

— Что случилось двадцать один год назад?

Он молчал.

Дед Яр сказал:

— Прокоп.

— Не дави, Яр. У тебя нога хромая, а совесть целая. Легко говорить.

— Думаешь, моя совесть целая?

— Целее моей.

Дед Яр не ответил.

Прокоп провёл искалеченной рукой по лицу.

— Нас подняли ночью. Не всех. Лучших по мокрой кладке и старым каналам. Сказали: авария. Старый нижний контур дал холодную тягу. Если не перекрыть и не перенаправить, верхний склон сядет.

— Весь город? — спросил я.

Он посмотрел на меня устало.

— Нет. Верхний. Про Нижний никто не спрашивал.

Лиска тихо выругалась.

Прокоп кивнул.

— Вот так и было. Верхний склон. Склады. Херцогское имущество. Две усадьбы. Часть стены. Нам сказали: если не заткнуть, город сядет. Потом показали людей с печатями. После этого вопросы стали тяжелее камня.

— Кто приказал?

— Не мастер.

— Имя.

Прокоп усмехнулся без радости.

— Все теперь любят имена. Думают, имя — это дверь. Иногда имя — только табличка на замурованном ходе.

— Но без него мы не найдём ход.

Он долго смотрел на меня.

— Командовал не мастер артели. Командовал херцогский надзорник — Климент Зорин. Он не камень видел. Он видел приказ.

Климент Зорин.

Мишки здесь не было, но я мысленно уже видел, как он записывает это имя.

— Он жив?

— Нет.

— Уверен?

— Его хоронили с херцогской лентой. Таких хоронят заметно.

— Семья?

— Был сын. Может, есть. Не знаю. После тех работ нас разметало. Одних в другие артели, других в дальние дворы, третьи пить начали. Главного мастера северных нашли в канаве через зиму. Поскользнулся, сказали.

— А вы?

— Я стал плохо слышать приказы и хорошо болеть. Таких меньше трогают.

Лиска посмотрела на его искалеченную руку.

— Руку тогда?

Прокоп усмехнулся.

— Руку позже. Когда понял, что один шов закрыли не так, и полез исправлять без разрешения.

— Исправил?

— Нет. Успел только оставить знак.

— Где?

Он не ответил.

Значит, важно.

Дед Яр наклонился вперёд.

— Что вы сделали с контуром?

Прокоп встал.

Медленно.

Подошёл к стене, снял с гвоздя старую кожаную сумку, достал из неё свёрнутую тряпку. Развернул.

Внутри лежала тонкая каменная пластина, почти как чертёжная дощечка. На ней были насечки, линии, условные знаки. Не полноценная схема. Скорее рабочая память мастера: где шов, где камера, где тяга, где нельзя бить, где можно разгрузить.

В углу была фраза, выцарапанная мелко:

“Не закрывать полностью.”

Я почувствовал, как холод проходит по спине.

Не от разлома.

От узнавания.

Прокоп положил пластину на каменный стол.

— Это не план. Планов нам не давали. Это моё. Чтобы не забыть, где нельзя класть глухой камень.

— А положили? — спросил я.

— Потом. Не сразу. Сначала мы делали аварийный обвод. Нижнюю тягу пустили через рампу к верхнему приёму. Оставили боковой сброс. Поставили дыхательные швы. Так оно могло держать. Год. Два. Может, пять, если чистить.

— А потом?

— Потом пришли другие. Не северные. Чистые. С приказом “укрепить”. Они не понимали, что укреплять там нель-

з. Там надо давать дышать.

Дед Яр тихо сказал:

— Замуровали?

Прокоп кивнул.

— Не всё. Но достаточно.

Я посмотрел на пластину.

Контур откликнулся глубоко.

[Сопоставление]

Старый рабочий чертёж соответствует: К-4; нижней товарной рампе; северо-западному верхнему складу.

Указание: “не закрывать полностью” — подтверждает необходимость открытого сброса.

Отсутствующий участок: северный приёмный колодец / Зоринский узел.

Вероятность: контур был временно перенаправлен, но не рассчитан на длительную эксплуатацию.

Текущий риск: рост давления при закрытых дыхательных швах. — Временное решение стало постоянным, — сказал я.

Прокоп посмотрел на меня.

— Ты мастер?

— Нет.

— Тогда почему говоришь как тот, кто уже хоронил людей из-за временного?

Я не ответил.

Потому что ответ был слишком длинным и не из этого мира.

— Временные решения становятся вечными, — сказал я,
— когда умирают те, кто помнит, где поставили подпорку.

Прокоп отвернулся.

Попал.

Не хотел.

Но попал.

— Мы не строили новый путь, — сказал он глухо. — Мы учили старую беду обходить богатые стены.

Лиска сжала кулаки.

— А Нижние?

— Нижние и тогда были внизу.

Тишина после этой фразы была тяжёлой.

Не потому что в ней было презрение.

А потому что в ней была привычка.

Иногда самые страшные слова звучат не как злость, а как порядок вещей.

И тут Сенька постучал в окно.

Точнее, сначала его голова появилась в верхнем углу окна, потом рука, потом он чуть не сорвался, но сделал вид, что это часть плана.

— За нами хвост.

Лиска уже была у двери.

— Чей?

— Не мой, к сожалению. Я бы лучше выглядел.

— Сенька.

— Один человек у ворот. Второй дальше, у старой бочки.

Не стража. Не Пахомов Федя. Одет чисто, но стоит как тот, кто хочет быть грязнее места, где стоит.

— Канцелярия? — спросил я.

— Может. Может, Вельский. Может, кто-то третий, кто решил, что мы сегодня недостаточно нервные.

Прокоп побледнел снова.

— Я говорил.

— Что?

— Камень помнит, но люди за память убивают.

Он резко схватил пластину, будто хотел убрать.

— Не на дерево, — сказал я.

Он замер.

— Что?

Я смотрел на старый железный клин рядом с пластиной. Тонкий синий налёт выступил на его ребре. Не сильный. Но достаточно.

Пластина несла остаточную метку. Или не пластина — линии на ней, память о контуре, металл рядом. Всё вместе.

— Не кладите её на деревянную полку. Камень на камень. Металл убрать.

Прокоп взглянул на клин.

Увидел.

Старый мастер увидел не Контуром, а опытом.

— Дьявол.

— Нет. Остаточная тяга.

— Какая разница?

— С первой можно спорить священнику. Со второй — мастеру.

Дед Яр уже схватил сухой песок из ящика и высыпал на стол вокруг пластины. Лиска деревянной рукоятью ножа оттолкнула железный клин на пол. Прокоп поставил пластину на толстую каменную плиту.

Синий налёт на клине побледнел.

Контур мигнул:

[Остаточный отклик стабилизирован]

Источник:рабочий чертёж / разломная память материала.

Риск:низкий при хранении на каменной основе;средний при контакте с металлом;нежелателен контакт с влажным деревом.

Рекомендация:изоляция;сухой песок;каменная подложка.— Даже чертежи теперь кусаются, — сказал Сенька из окна.

— Слезь, — сказала Лиска.

— Я наблюдаю.

— Ты падаешь.

— Это динамическое наблюдение.

Остап снаружи сказал:

— Слез.

Сенька исчез.

Прокоп смотрел на пластину, потом на меня.

— Ты видишь.

— Да.

— Не как маг.

— Нет.

— Как мастер, только без рук.

— Пока без ног, — сказал я. — Руки иногда работают.

Он впервые почти улыбнулся.

Почти.

— Тогда слушай. Склад — не главный узел. Рампа — не главный. К-4 — старый нижний запор. Красный двор — место, где спрятали грязную работу. Но держит теперь не там.

— Где?

Прокоп молчал.

Дед Яр резко сказал:

— Говори уже. Если нас слушают, молчание больше не спасает.

— Под Варлаамовой часовней, — сказал Прокоп.

Лиска медленно повернула голову.

— Часовня?

— Старая часовня Святого Варлаама на северо-западном склоне, — сказал дед Яр. — У Верхнего перехода.

Прокоп кивнул.

— Под ней старый приёмный узел. Не церковный. Ещё до часовни. Потом сверху поставили часовню, чтобы место не трогали. Или чтобы все думали, что его нельзя трогать. Зорин знал. Он туда ходил. Не один.

— Зоринский узел, — сказал я.

Прокоп посмотрел на меня.

— Мы его так не называли.

— А как?

— Третий приём.

— Почему третий?

— Потому что первый был нижний, второй — складской, третий — под часовней. Там старая беда должна была дышать тихо.

— А сейчас?

— Если швы закрыли, она уже не дышит. Она давит.

И вот в этот момент вся карта стала другой.

До этого мы искали линию.

Теперь у неё появилось сердце.

Не главное, может быть.

Но одно из тех мест, где достаточно тронуть неправильно — и город получит ответ.

Часовня.

Символ.

Камень, на который люди молились, не зная, что под ним старая ошибка учится ждать.

— Почему вы молчали? — спросила Лиска.

Прокоп посмотрел на неё устало.

— Потому что старика с плохой рукой легко назвать пьяным. Потому что часовню не вскрывают по словам каменщика. Потому что Зорин умер, а те, кто приказывал, поднялись выше. Потому что, когда я однажды сказал, что третий приём закрывают глухо, мне сломали руку.

Лиска замолчала.

Даже она.

Прокоп взял пластину, завернул обратно, но уже не убрал.

— Забирайте.

Дед Яр резко поднял глаза.

— Ты уверен?

— Нет. Но если останется у меня, сегодня ночью её заберут вместе со мной. Если будет у вас, может, хоть кто-то поймёт, что мы не все были дураками.

Я осторожно положил руку на край каменного стола.

— Не дураками.

Прокоп усмехнулся.

— Виноватыми?

— Людьми, которые делали аварийную работу под приказом.

— Это оправдание?

Я подумал.

— Нет. Это начало правильного отчёта.

Он долго смотрел на меня.

Потом кивнул.

— Береги пластину. И если пойдёшь к Варлааму, не верь тишине. Там тихо не потому, что безопасно. Там тихо потому, что все привыкли молчать.

Снаружи Остап дважды стукнул в дверь.

Условный знак.

Кто-то приближался.

Лиска сразу взяла пластину, спрятала под плащом. Сенька исчез с окна. Ратников, который “официально не присутствовал”, внезапно оказался у ворот и громко заговорил с кем-то о налогах на каменную пыль.

Умный писарь.

Мы выехали через задний двор.

Прокоп стоял на пороге мастерской.

Старый, сухой, с молотком в искалеченной руке.

Последний камень от стены, которую давно разобрали и сделали вид, что её никогда не было.

Когда мы отъехали, он крикнул:

— Лютов!

Я повернул голову.

— Что?

— Камень можно заставить держать. Но нельзя заставить его забыть, где на него давили.

Я кивнул.

— Людей тоже.

Он ничего не ответил.

Только закрыл дверь.

Дома пластину положили на каменную подложку, обсыпали сухим песком, убрали металл подальше. Мишка записал всё. Ратников переписал имя Климента Зорина. Дед Яр сидел мрачный, как человек, который узнал старую ошибку по почерку.

Горн пришёл ближе к вечеру.

Выслушал.

Посмотрел на пластину.

На фразу “не закрывать полностью”.

На знак третьего приёма.

На отметку часовни Святого Варлаама.

Потом сказал:

— Часовню нельзя просто проверить.

— Почему? — спросил Мишка.

Горн посмотрел на него.

— Потому что люди считают: если на камне стоит святой знак, под ним не может быть грязной работы.

— А может?

— Очень часто именно там её и прячут, — сказал Ратников.

Арина тихо перекрестилась местным знаком.

— Варлаамова часовня старая. Люди туда ходят с детьми.

Да.

И это было хуже всего.

Склад можно опечатать.

Двор можно закрыть.

Канаву можно перекрыть.

Но часовня — это не просто камень.

Это привычка верить, что хоть где-то в городе земля честная.

А мы собирались сказать: под этой честной землёй старый контур давит на шов, который нельзя закрывать полностью.

Лиска стояла у окна.

— Значит, следующая работа там?

Я смотрел на карту.

К-4.

Красный двор.

Рампа.

Верхний склад.

Часовня Святого Варлаама.

Линия поднялась ещё выше.

Не только в камень.

В смысл.

— Да, — сказал я. — Но теперь это не просто ремонт.

— А что?

— Теперь мы будем трогать место, которое люди защищают не потому, что оно безопасно, а потому что им нужно верить, что оно безопасно.

Сенька тихо сказал:

— Звучит хуже разлома.

— Иногда так и есть.

Ночью я долго смотрел на пластину Прокопа.

Маленький рабочий чертёж.

Не героический.

Не официальный.

Не красивый.

На нём не было гербов, подписей, печатей и длинных формулировок.

Только линии, швы, предупреждение и рука мастера, который двадцать один год назад понял: если закрыть полностью, беда не исчезнет.

Её просто заставят молчать.

Камень наконец назвал нам не причину.

Он назвал место, где старая ошибка научилась молиться.

Глава 4. Варлаамова часовня

Склад можно было опечатать.

Канаву — перекрыть.

Двор — закрыть.

Камень — разобрать.

С часовней всё было хуже.

Её нельзя было просто тронуть, потому что люди редко защищают камень так яростно, как тогда, когда верят, что на нём стоит их надежда.

Утром Горн пришёл раньше обычного.

Это уже было плохим признаком.

Хорошие новости люди иногда откладывают, чтобы выпить чаю. Плохие несут сразу, пока они не стали хуже.

Он положил на стол лист с гильдейской отметкой и рядом — ответ канцелярии.

— Разрешение есть.

Лиска, сидевшая у окна, подняла голову.

— На что?

— Внешний осмотр основания часовни Святого Варлаама. Неразрушающий.

Я усмехнулся.

— Власть очень любит слово “неразрушающий”, когда боится, что разрушится не камень, а объяснение.

Горн посмотрел на меня.

— Сомов разрешил ровно столько, сколько не мог не разрешить после Верхнего склада.

— А внутрь?

— Нет.

— Под землю?

— Нет.

— Значит, нам разрешили посмотреть на дверь и не трогать ручку.

— Именно.

— Щедро.

Мишка уже записывал.

Арина, лежавшая у окна, тихо кашлянула. После лекарств Ордынцева кашель стал мягче, но не исчез. Болезнь не уходила. Она просто перестала каждый раз напоминать о себе так громко.

— Часовня старая, — сказала она. — Туда ходят и верхние, и наши. Там детей благословляют перед дорогой.

Лиска фыркнула.

— Верхние детей благословляют, наши — просят, чтобы хотя бы один день не рухнул.

— Тем более, — сказала Арина.

Она не спорила.

Она напоминала.

Это было важнее.

Горн развернул план северо-западного склона.

— Если мы скажем “под часовней разломный узел”, нас

не пустят.

— А если скажем “проверка основания после холодового отклика верхнего склада”? — спросил я.

— Тогда нас всё равно не пустят, но уже будут думать дольше.

— Значит, так и говорим.

— Уже сказано.

— Кто будет там?

— Я. Дарен. Ладов как канцелярский наблюдатель. Отец Лаврентий — настоятель часовни. Остап. Дед Яр, если сможет подняться.

— Я поднимусь, — сказал дед Яр от двери.

Он вошёл без стука, как человек, который давно решил: возраст даёт право не соблюдать чужие петли.

— Нога? — спросил Горн.

— Нога против. Голова за. Пока они спорят, я иду.

Лиска встала.

— Я тоже.

Горн покачал головой.

— Официально — нет.

— Я уже привыкла быть неофициально.

— Там часовня.

— Я нож уберу.

— Это не единственная проблема.

— Тогда назови остальные, я уберу по очереди.

Горн посмотрел на меня.

— С ней спорить всегда так?

— Обычно хуже.

Лиска пошла.

Конечно.

Меня опять везли.

В этом начинала появляться неприятная закономерность. Я уже мог различать районы города по качеству тряски. Нижние били в бок грубо и честно. Верхние делали это ровно, благородно и оттого не менее болезненно.

Часовня Святого Варлаама стояла на северо-западном склоне между Верхним городом и старым товарным подъёмом.

Место было тихое.

Не пустое.

Именно тихое.

Каменные ступени, низкая ограда, несколько старых деревьев, маленький дворик, скамьи у стены. Люди входили и выходили медленно. Кто-то оставлял свечу. Кто-то просто стоял у двери, не решаясь войти. У одной женщины на руках спал ребёнок. Старик у стены шептал молитву так, будто повторял не слова, а последнюю верёвку, которая ещё держала его над землёй.

Тихие места бывают разные.

Одни тихие, потому что там мир.

Другие — потому что все давно привыкли не задавать вопросов.

Часовня была сложена из светлого камня, но нижний пояс — старый, серый, местами с красноватыми вставками. Не декоративными. Рабочими. Чужими в этом месте, если знать, куда смотреть.

А я уже знал.

Это было неприятно.

Раньше я видел трещины там, где никто не хотел смотреть.

Теперь я видел их в местах, где люди смотрели слишком много — но не на то.

У входа нас встретил отец Лаврентий.

Невысокий, сухой, с тёмной бородой, в простой рясе. Не старик, но уже с лицом человека, который много лет слушает чужие просьбы и не имеет права устать. Глаза внимательные. Не мягкие. Но и не холодные.

Он поклонился Горну, кивнул Ладову, посмотрел на меня. Не как на вора.

Не как на чудо.

Как на проблему, которую привезли к его порогу.

— Макар Лютов?

— Да.

— Вы тот, кто видел верхний склад?

— Я тот, кого туда возили.

— Разница важна?

— Для моей раны — нет. Для отчёта — возможно.

Он чуть заметно вздохнул.

— Мне сказали, что вы хотите осмотреть основание часовни.

— Хочу — плохое слово. Надо.

— Люди приходят сюда не потому, что камень крепкий. Они приходят, потому что больше некуда.

— Я понимаю.

— Нет, — сказал он спокойно. — Пока не понимаете.

Я не стал спорить.

С людьми, которые защищают чужую надежду, нельзя начинать с победы в разговоре.

Иначе дальше они будут защищаться от тебя, даже если ты прав.

— Тогда объясните, — сказал я.

Отец Лаврентий посмотрел на очередь у входа.

— Если вы скажете, что под часовней беда, завтра сюда придут не молиться, а кричать.

— А если я промолчу и беда выйдет сама?

Он повернулся ко мне.

— Тогда кричать будут уже мёртвые.

Вот теперь мы начали говорить честно.

Горн сказал:

— Мы не будем вскрывать камень. Только внешний осмотр. Метки без повреждения. Никакого металла в нижнем поясе без согласования.

Ладов добавил:

— Осмотр проводится в рамках проверки основания по-

сле холодового инцидента у северо-западного склада.

— Канцелярия умеет говорить так, чтобы люди не понимали, бояться им или нет, — сказал отец Лаврентий.

— Это не всегда недостаток, — ответил Ладов.

— Для канцелярии — да.

Мы вошли внутрь.

Часовня была маленькая.

Низкий свод, несколько икон, каменный пол, деревянные скамьи, свечная стойка у северной стены. Воздух пах воском, старым камнем, дымом и чем-то холодным, едва заметным — будто в комнате долго держали закрытой дверь в погреб, а потом забыли, что погреб вообще есть.

Пламя свечей горело странно.

Не все.

Только у северной стены.

Обычные свечи тянутся вверх. Иногда к сквозняку. Иногда дрожат от движения воздуха.

Эти наклонялись к камню.

И у нескольких пламя имело синеватый кончик.

Я посмотрел на отца Лаврентия.

— Давно?

Он понял, о чём я.

— С зимы.

— Сейчас не зима.

— Я умею считать месяцы, Лютов.

Лиска, стоявшая позади, тихо фыркнула.

Отец Лаврентий продолжил:

— Сначала решили, что сквозит. Потом заметили, что только здесь. Потом люди начали говорить, что Варлаам принимает холодные свечи за тех, кто молится о больных.

Я посмотрел на камень под свечной стойкой.

— Люди умеют удивительно быстро превращать дефект в обряд, если дефект не убивает сразу.

Отец Лаврентий резко повернулся.

В его глазах вспыхнуло раздражение.

— Осторожнее.

— Я не смеюсь над верой.

— Звучит похоже.

— Я говорю о дефекте. Люди дали ему смысл, потому что иначе пришлось бы дать ему страх.

Он замолчал.

Не согласился.

Но услышал.

Я сузил взгляд.

Не вся часовня.

Не иконы.

Не люди.

Не молитвы.

Только камень.

Только северная стена.

Только основание.

[Фокусированный анализ]

Объект: часовня Святого Варлаама.

Верхняя структура: устойчива.

Основание: частично недоступно.

Помехи: многослойная кладка; старые ремонтные вставки; остаточная разломная тяга; высокая эмоциональная активность места.

Рекомендация: проверить северо-западную опорную линию; избегать металлического контакта с нижним камнем. Я моргнул.

“Эмоциональная активность места.”

Контур не понимал святость.

Но он понимал нагрузку.

Оказывается, человеческое отчаяние тоже оставляет шум.

— Что? — тихо спросила Лиска.

— Верх держится. Низ молчит не полностью.

— Опасно?

— Пока не так, как склад. Но глубже.

Дарен присел у северной стены, не касаясь камня. Дед Яр, опираясь на палку, смотрел на нижний пояс.

— Вставки видишь? — спросил он.

— Красноватые?

— Да. Не родные. Поздние. Хорошо подогнаны, но чужие.

— Северная артель?

— Похоже.

Отец Лаврентий шагнул ближе.

— Вы хотите сказать, что часовню ремонтировали тайно?

— Я хочу сказать, что камень у основания не весь одного времени, — сказал дед Яр. — А зачем — надо смотреть.

— Основание трогали после закладки?

— Трогали, — сказал я. — Вопрос — что закрывали.

Отец Лаврентий сжал губы.

В этот момент одна из свечей у северной стены коротко треснула.

Воск у основания пламени побелел и пошёл мелкими трещинами, как лёд по тонкой луже.

Ладов шагнул назад.

Лиска уже была рядом со стойкой.

— Не тушить, — сказал я. — Отодвинуть стойку. Деревянной ручкой. Не металлом.

— Поняла.

Она подхватила длинную деревянную лопатку для свечей и осторожно сдвинула стойку от стены на полшага.

Пламя дёрнулось.

Синеватые кончики стали слабее.

Дед Яр наклонился.

— Подставка металлическая.

— Усиливает, — сказал я.

Дарен быстро достал маленькую каменную плитку из сумки.

— Можно заменить основание.

Отец Лаврентий резко сказал:

— Это свечная стойка. Она стоит здесь много лет.

— Именно поэтому все привыкли, что она стоит неправильно, — ответил я.

Он посмотрел на меня тяжело.

— Осторожнее, Лютов.

— Я стараюсь.

— Плохо выходит.

— Но честно.

Он помолчал.

Потом сказал:

— Дарен. Покажите, что хотите сделать.

Дарен аккуратно объяснил. Без слов “разлом”, “узел” и “опасная тяга”. Сказал: металлическая стойка охлаждает воск, каменная подкладка уменьшит воздействие на свечи.

Отец Лаврентий слушал.

Потом кивнул.

— Делайте. Но без шума.

Лиска тихо сказала:

— Без шума мы почти умеем.

Я посмотрел на неё.

— Почти?

— Я не обещаю чудес.

Стойку переставили на каменную подложку. Металл больше не касался старого нижнего камня напрямую. Воск перестал трескаться. Пламя выровнялось не полностью, но стало ближе к обычному.

Контур подтвердил:

[Локальный отклик снижен]

Активность: 4% → 2%

Причина: металлическая подставка усиливала остаточную тягу.

Рекомендация: замена на деревянную / каменную основу; проверка подкладного камня. — Что изменилось? — спросил отец Лаврентий.

— Мы убрали маленький усилитель.

— Свечную стойку?

— Металл, который помогал холоду подниматься.

Он медленно посмотрел на стойку.

Потом на камень.

Потом на меня.

— Ты не пришёл ломать.

— Я вообще редко начинаю с ломать.

— Враньё, — сказала Лиска.

Я вздохнул.

— Теперь редко.

Отец Лаврентий впервые почти улыбнулся.

Но тут же снова стал серьёзным.

— Люди называют этот камень холодным камнем Варлаама. К нему прикладывают ладонь, когда просят за больных.

Я посмотрел туда, куда он указал.

Под небольшой иконой в северной стене был плоский камень, чуть темнее соседних. Его поверхность была гладкой от прикосновений. Люди годами касались его руками.

Я даже не хотел смотреть Контуром.

Но посмотрел.

[Фокусированный анализ]

Объект: подкладной камень северной стены.

Температура: ниже окружающей.

Связь: остаточная холодовая тяга; нижний закрытый шов; глубинная камера.

Риск: низкий при кратком контакте; средний для ослабленных людей при длительном контакте; усиление отклика при влажности / металле. Я закрыл глаза.

Симптом стал обрядом.

Холодовая тяга — утешением.

Люди прикладывали руки к месту, которое их могло ослаблять, потому что кто-то когда-то не сказал правду о камне.

— Его надо закрыть от прикосновений, — сказал я.

Отец Лаврентий побледнел.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что люди идут к нему.

— Значит, поставить рядом другой. Тёплый. Освящённый. Как временную замену. Этот не трогать.

— Они спросят почему.

— Скажите, камень нужно очистить.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Ты предлагаешь мне солгать?

— Я предлагаю вам не сказать всё сразу, пока мы не знаем, как сказать так, чтобы люди не полезли проверять руками.

Ладов тихо сказал:

— Формулировка допустимая.

Отец Лаврентий посмотрел на него.

— Меня утешает, что ложь допустима документально.

— Не ложь, — сказал я. — Аварийное ограничение доступа без паники.

— У вас для всего есть слова?

— Нет. Но для страха лучше иметь короткие.

Дед Яр, тем временем, сдвинул деревянную полку у стены и позвал:

— Лютов.

Мы посмотрели.

За толстым слоем старого воска и копоти, почти у пола, виднелся знак.

Три косые линии.

Точка.

И рядом — маленький круг с короткой чертой.

Дед Яр выдохнул:

— Третий приём.

Отец Лаврентий смотрел на знак так, будто увидел на собственной коже чужой шрам.

— Что это?

— Знак северной артели, — сказал я. — И отметка приёмного узла.

— Здесь?

— Да.

Он сел на ближайшую скамью.

Не рухнул.

Именно сел.

Как человек, который понял: земля под ним не перестала быть святой, но оказалась сложнее, чем он думал.

Некоторое время никто не говорил.

Потом отец Лаврентий тихо произнёс:

— Под часовней есть нижнее помещение.

Ладов сразу поднял перо.

Отец Лаврентий посмотрел на него.

— Не пишите так, будто я признался в преступлении.

Ладов замер.

Я сказал:

— Пишите: “Настоятель подтвердил наличие старого нижнего помещения, ранее считавшегося криптой или хозяйственным спуском.”

Отец Лаврентий кивнул.

— Так можно.

— Где вход? — спросил Горн.

Священник посмотрел на боковую дверь.

— За алтарной стеной есть малый спуск. Запечатан. Ключ не у меня.

— У кого?

— Формально — в духовной канцелярии. Практически...

не знаю. Последний раз спуск открывали до моего назначения.

— Когда?

— Больше двадцати лет назад.

Тишина снова стала тяжелее.

Двадцать лет.

Опять.

В этом городе прошлое даже не пряталось хорошо.

Просто все делали вид, что не видят, как оно торчит из стены.

— Нужно разрешение на спуск, — сказал Горн.

— От духовной канцелярии, — сказал отец Лаврентий.

— И от городской. И, возможно, от херцогской управы, если там старый имущественный узел.

— Удобно, — сказала Лиска. — Чтобы открыть дверь, надо спросить всех, кто заинтересован, чтобы она оставалась закрытой.

Отец Лаврентий не возразил.

Я посмотрел на северную стену.

Теперь, когда знак был открыт, Контур стал глубже. Не сильно. Но достаточно, чтобы под верхним камнем проступила тёмная, тяжёлая тишина.

[Глубинный отклик]

Объект: подземная камера под часовней.

Доступ: частично заблокирован.

Функция: третий приём / стабилизирующий узел.

Состояние:перегрузка;дыхательные швы частично закрыты;металлические и свечные элементы усиливают отклик.

Риск:при полном вскрытии — выброс;при полном запечатывании — рост давления;при бездействии — постепенное расширение зоны холодовой тяги.

Рекомендация:не вскрывать без подготовки;не запечатывать;снизить внешние усилители;получить доступ к нижнему помещению.Голова ударила болью.

Я сжал край носилок.

Лиска заметила сразу.

— Всё. Хватит.

— Ещё минуту.

— Нет.

— Лиска...

— Ты сейчас начнёшь говорить умные слова, потом поблднеешь, потом все будут бегать. Я против беготни в часовне.

Отец Лаврентий встал.

— Она права.

— Обычно я праздную такие моменты, — сказала Лиска.
— Сейчас некогда.

Я выдохнул.

— Под нами перегруженная камера. Открывать нельзя. Закрывать нельзя. Оставлять нельзя. Отличный объект.

Дед Яр тихо сказал:

— Значит, точно наш.

Горн повернулся к отцу Лаврентию.

— До получения разрешения нужно убрать металл от северной стены, заменить свечную стойку, ограничить прикосновение к холодному камню и следить за температурой.

— Я сделаю.

— И никому не говорить про камеру.

Отец Лаврентий посмотрел на людей в часовне.

— Если я начну молчать так, как молчали до меня, чем я буду лучше?

— Молчание бывает разным, — сказал я. — Одно скрывает. Другое не даёт людям сгореть от паники до того, как мы поставили выходы.

Он посмотрел на меня долго.

— Вы говорите как человек, который очень боится толпы.

— Я боюсь не толпы. Я боюсь людей, которым сказали правду без инструкции, что делать дальше.

— А если инструкция будет ложной?

— Тогда она хуже молчания.

Он кивнул.

— Я скажу, что северная часть закрыта для очистки и проверки камня после складского инцидента. Это правда?

— Да.

— Неполная?

— Да.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже.

— Хорошо. Значит, мы оба ещё люди.

Когда мы выходили из часовни, у входа уже стоял посыльный.

Мальчик лет четырнадцати. Не церковный. Слишком чистая куртка. Слишком испуганные глаза. Он держал сложенный лист с печатью духовной канцелярии.

Отец Лаврентий взял письмо.

Прочитал.

Лицо у него стало неподвижным.

— Что? — спросил Горн.

Священник протянул лист.

Ладов прочёл вслух:

— “По распоряжению духовной канцелярии доступ к нижнему помещению часовни Святого Варлаама запрещён до особого решения. Любые работы с основанием, внутренними стенами и подкладными камнями прекращаются. Нарушение будет рассматриваться как осквернение освящённого места.”

Лиска тихо сказала:

— Быстро.

Да.

Слишком быстро.

Мы только нашли лестницу.

А кто-то уже успел закрыть дверь.

Горн взял лист, проверил печать.

— Настоящая.

Отец Лаврентий смотрел на посыльного.

— Когда выехал?

— Утром, отец.

— До нашего осмотра, — сказал Ладов.

Перо в его руке дрогнуло.

Он тоже понял.

Кто-то знал, что мы придём.

И знал, что именно надо запретить.

Не внешний двор.

Не свечи.

Не разговоры.

Нижнее помещение.

Подкладные камни.

Основание.

Слишком точная запретительная формулировка для людей, которые якобы не знают, что под часовней есть что-то важное.

Сомов?

Духовная канцелярия сама?

Кто-то из старых связей Зорина?

Или тот, кто много лет следил, чтобы третий приём оставался не приёмом, а святой тишиной?

Отец Лаврентий медленно сложил письмо.

— Я должен подчиниться.

— Знаю, — сказал я.

— Но северную стену я закрою для прикосновений.

— Это тоже могут запретить.

— Пусть попробуют сказать верующим, что им запрещено не трогать опасный камень.

Впервые мне он действительно понравился.

Не как священник.

Как человек, который нашёл узкую щель между приказом и совестью и решил поставить туда клин.

Мы спустились обратно молча.

У ворот Лиска шла рядом с носилками, с таким лицом, будто мысленно уже подбирала способ вскрыть духовную канцелярию ножом.

— Не надо, — сказал я.

— Я ещё ничего не сказала.

— Поэтому и не надо.

— Они знали.

— Да.

— Значит, там что-то есть.

— Да.

— Значит, полезем.

— Да. Но не сегодня. И не ножом.

Она посмотрела на меня.

— Ты стал скучный.

— Я стал живой. Иногда это похоже.

Дома Мишка записал всё.

Слово “осквернение” он выводил медленно, с явным отвращением.

— Это плохое слово, — сказал он.

— Хорошее для тех, кто хочет закрыть дверь.

— Но мы же не хотим осквернять.

— Им не важно, что мы хотим. Им важно, что они смогут сказать.

Арина слушала молча.

Потом тихо произнесла:

— Если под часовней беда, нельзя ждать слишком долго.

— Знаю, мам.

— И нельзя ломать веру людям.

— Тоже знаю.

— Значит, трудная работа.

Я посмотрел на карту.

На новую линию.

На маленький круг с чертой возле Варлаамовой часовни.

— Самая трудная из тех, что были.

Потому что здесь нельзя было просто открыть камень.

Нельзя было просто доказать.

Нельзя было просто крикнуть: “Там опасно!”

Надо было сначала построить путь, по которому правда сможет пройти и не раздавить тех, кто всё это время стоял на ней коленями.

Ночью я снова видел в голове холодный камень.

Руки людей на нём.

Свечи с синими кончиками.

Знак северной артели под воском.

И письмо, которое пришло слишком рано.

Мы пришли проверить камень.

А кто-то уже успел закрыть дверь перед тем, как мы нашли лестницу.

Глава 5. Духовная канцелярия

В старой жизни я боялся слов “авария”, “взрыв”, “утечка” и “погибшие”.

В этом мире к ним добавилось ещё одно:
“Осквернение”.

Потому что после него люди перестают слушать, что именно ты хочешь сделать с камнем.

Они уже слышат только то, что ты пришёл тронуть их надежду.

Запрет из духовной канцелярии лежал на столе между нами, как аккуратно сложенная угроза.

Печать была чёткая.

Формулировка — ещё чётче.

“Доступ к нижнему помещению часовни Святого Варлаама запрещён до особого решения. Любые работы с основанием, внутренними стенами и подкладными камнями прекращаются. Нарушение будет рассматриваться как осквернение освящённого места.”

Сенька прочитал вслух два раза.

На третий сказал:

— Слово красивое. Значит, бить будут официально.

Лиска сидела у окна и точила нож.

— За осквернение не бьют. За него толпу зовут.

— Ещё лучше, — сказал Сенька. — Толпа обычно хуже

бьёт, потому что думает, что права.

Горн стоял над картой с таким лицом, будто перед ним была не бумага, а плохо поставленная подпорка.

Ратников перебирал копии протоколов. Ладов сидел рядом, сжатый, правильный, бледный. После Верхнего склада он стал меньше спорить, но больше писать. Это был хороший признак. Чиновник, который начинает бояться пустых формулировок, иногда может стать полезным.

Отец Лаврентий пришёл сам.

Без рясы для службы, в простом тёмном подряснике. Лицо усталое. Глаза спокойные, но под ними залегли тени.

Он стоял у стола и смотрел на запрет так, будто тот был не документом, а больным человеком, которому он обязан помочь и которого уже ненавидит.

— Они поставили слово “осквернение” первым, — сказал я.

— Да, — ответил Ратников. — Всё остальное после него становится оправданием.

— Значит, надо убрать это слово из центра.

Ладов поднял глаза.

— Нельзя убрать слово из их запрета.

— Из нашего ответа можно.

Мишка сидел рядом с журналом. Писал быстро, но внимательно. После всех последних событий у него появился особый вид сосредоточенности: будто он понял, что буквы — это не школьная скука, а деревянные клинья, которые можно

забить в чужую ложь.

— Формулировка? — спросил он.

— Не “вскрытие часовни”, — сказал Горн. — Не “проверка разломного узла”.

— А как? — спросила Лиска.

Ратников ответил:

— “Аварийное освидетельствование нижнего основания с сохранением обрядовой неприкосновенности верхней части часовни.”

Сенька замер.

Потом медленно повернулся к нему.

— Звучит так, будто мы хотим украсть лестницу вежливо.

— Почти, — сказал я. — Только не лестницу, а право не умереть от чужой печати.

Отец Лаврентий посмотрел на меня.

— Право войти под часовню нельзя получить шуткой.

— Поэтому шутит Сенька. Мы будем просить всерьёз.

— Не просить, — сказал Горн. — Требовать нельзя, но и просить нельзя. Просьба предполагает, что отказ допустим. Нужно поставить вопрос об ответственности.

Ладов кивнул.

— Если духовная канцелярия откажет после протокола Верхнего склада, она принимает риск на себя.

Лиска усмехнулась.

— Вот теперь звучит как Сомов.

И точно.

Сомов пришёл через несколько минут.

Без лишних людей.

Без громкости.

Просто появился в дверях, словно всегда знал, где нужно быть, чтобы услышать последнюю удобную фразу.

— Вы учитесь, Лютов, — сказал он.

— Плохие учителя быстро учат.

— Тогда считайте это пользой от неприятного окружения.

Он положил на стол свой лист.

— Я готов поддержать ограниченное освидетельствование. Не потому, что хочу трогать часовню. Потому что после Верхнего склада отказ от проверки становится документированным риском.

— Красиво, — сказал Сенька. — То есть если они не пустят, виноваты будут они.

Сомов посмотрел на него.

— Вы удивительно быстро понимаете неприятные вещи.

— Я в Нижних вырос.

— Да. Это многое объясняет.

Горн не стал терять время.

— Кто говорит в канцелярии?

— Я, — сказал отец Лаврентий.

— Вы — о людях, — сказал Ратников. — Горн — о риске. Сомов — об ответственности. Я — о документах. Лютов...

Все посмотрели на меня.

— Лютов молчит, пока его не спрашивают, — сказала

Лиска.

— Мудро, — сказал Сомов.

— Ненавижу, когда вы со мной согласны, — сказала она.

— Это взаимно.

Ратников продолжил:

— Лютов отвечает только на технические вопросы.

— Меня там вообще пустят? — спросил я.

Отец Лаврентий сказал:

— Именно вас и не захотят пускать.

— Потому что я из Нижних?

— Потому что вы из Нижних, с плохой репутацией, связаны с разломами, не имеете сана, ранга, диплома и склонны говорить правду так, будто она уже доказана камнем.

— Некоторые недостатки звучат как достоинства.

— В духовной канцелярии — нет.

Лиска фыркнула.

— Значит, пусть сидит и делает вид, что болен.

— Я болен.

— Тем легче.

Сомов посмотрел на меня.

— Ваша слабость сегодня полезнее вашей настойчивости.

Раненого мальчишку сложнее обвинить в попытке силового осквернения.

— Великолепно. Теперь даже болт в бок работает на дело.

— В политике всё должно работать.

— А если что-то не работает?

— Тогда его оформляют как временное препятствие.

Мне опять захотелось не соглашаться с ним просто из принципа.

Но, к сожалению, он был прав.

В духовную канцелярию меня опять повезли.

Я начинал подозревать, что если доживу до конца этой истории, городские мостовые будут помнить мои носилки лучше, чем мои ноги.

Здание духовной канцелярии стояло рядом с большим храмовым двором, но не было храмом.

И это чувствовалось сразу.

В храме люди хотя бы делают вид, что говорят с Богом.

Здесь говорили с бумагой.

Чистые коридоры. Белёные стены. Иконы в нишах. Сухой запах воска, чернил, старой кожи и аккуратно сложенных просьб. На полках — регистры дарений, ремонтов, обетов, погребений, чудесных исцелений и, вероятно, таких запретов, после которых чудесам становилось тесно.

В духовной канцелярии пахло не Богом.

Бог, если он здесь бывал, наверное, проходил дальше.

Здесь пахло воском, чернилами и правом решать, к чьей беде можно прикоснуться.

Нас приняли не сразу.

Это тоже было частью власти.

Человек, который ждёт перед дверью, всегда немного те-

ряет в собственных глазах. Сначала он уверен, что пришёл по делу. Потом начинает думать, достаточно ли чист у него воротник. Потом — не сказал ли он слишком много. Потом — не лучше ли было вообще не приходить.

Хороший коридор иногда делает половину допроса.

Лиску внутрь не пустили.

Она улыбнулась так, что послушник у двери сразу пожалел об этом решении, хотя формально оставался прав.

— Я буду здесь, — сказала она.

— Это угроза? — спросил послушник.

— Пока расписание.

Остап остался с ней.

Сенька не должен был быть рядом вообще. Поэтому, разумеется, где-то был.

Наконец дверь открылась.

В кабинете нас ждал архидиакон Мефодий Гранов.

Не старый, но уже тяжёлый лицом. Широкий лоб, аккуратная борода, сухие пальцы, тёмная одежда без лишней роскоши. Голос низкий, ровный, хорошо поставленный — голос человека, который привык произносить решения так, чтобы они звучали почти как молитвы.

На столе перед ним лежал наш запрет.

И копии документов.

Значит, он подготовился.

Плохо.

Неподготовленный противник опасен глупостью.

Подготовленный — намерением.

— Мастер Горн, — сказал Мефодий. — Советник Сомов.

Писарь Ратников. Отец Лаврентий. Макар Лютов.

Моё имя он произнёс без презрения.

Именно поэтому прозвучало хуже.

— Архидиакон, — сказал отец Лаврентий, — мы пришли не оспаривать святость часовни.

— Но оспаривать мой запрет.

— Просить уточнить его в связи с риском.

— Риск, — повторил Мефодий. — Удобное слово. Им можно открыть почти любую дверь, если достаточно настойчиво бояться.

Горн сказал:

— И можно закрыть почти любую, если сделать вид, что риск не доказан.

Мефодий повернулся к нему.

— Часовня Святого Варлаама — не склад, не канава и не каменная мастерская.

Я не удержался.

— Именно поэтому, если она рухнет, людей будет больше.

Ратников чуть заметно прикрыл глаза.

Ладов, сидевший рядом, напрягся.

Мефодий посмотрел на меня.

— Вам дали слово?

— Нет.

— Тогда воздержитесь.

— Постараюсь.

— Это не просьба.

— Тем более.

Сомов едва заметно усмехнулся.

Очень вовремя.

Ненавижу, когда такие люди наслаждаются чужими ошибками.

Мефодий сложил руки.

— Гильдия обнаружила признаки связи старого подземного контура с верхним складом. Это зафиксировано. Но переносить эти выводы на часовню без вскрытия основания недопустимо. А вскрытие основания освящённого места недопустимо тем более.

— Мы не просим вскрытия, — сказал Горн.

— Пока.

— Мы просим ограниченного спуска в нижнее помещение, если оно существует.

— Оно существует, — сказал отец Лаврентий.

Мефодий посмотрел на него долго.

— Вы уверены, что хотите внести это в обсуждение?

— Оно уже внесено в камень. Мы просто догоняем.

Ратников подвинул вперёд документы.

— Протокол Верхнего склада. Доклад Ладова. Зарисовки знаков северной артели. Свидетельство Прокопа Седых. Рабочая пластина с указанием “не закрывать полностью”. Символ третьего приёма, найденный в часовне.

Мефодий не стал смотреть сразу.

Сначала спросил:

— Свидетельство старого каменодела из Нижних?

— Да, — сказал Ратников.

— И вы хотите, чтобы духовная канцелярия опиралась на слова человека без статуса?

— Нет, — ответил Ратников. — Мы хотим, чтобы духовная канцелярия опиралась на совпадение слов человека без статуса с камнем, протоколами, метками и холодовым откликом.

— Камень не свидетель.

— Камень тоже оставил показания. Просто без подписи.

Мефодий наконец взял документы.

Читал он быстро.

Не как человек, который ищет истину.

Как человек, который ищет слабые места.

Это я уважал.

Потому что именно так надо проверять чужую схему.

— “Не закрывать полностью”, — произнёс он.

— Да, — сказал Горн.

— Кто написал?

— Прокоп Седых утверждает, что он.

— Неофициально.

— Камень редко пишет официально.

Мефодий перевёл взгляд на Сомова.

— Советник. Ваша позиция?

Сомов говорил спокойно.

— Запрет не отменяет риска. Он только переносит ответственность на того, кто запретил проверку.

В кабинете стало тише.

Очень хорошая фраза.

Не добрая.

Не честная.

Но очень полезная.

Мефодий понял, куда поставили клин.

— Вы перекладываете ответственность на духовную канцелярию?

— Нет, — сказал Сомов. — Я показываю, где она уже лежит, если доступ будет запрещён полностью после имеющихся данных.

— А если спуск повредит часовню?

Горн ответил:

— Поэтому спуск ограниченный. Без вскрытия кладки. Без металла в активной зоне. Без работ. Только освидетельствование.

— А если сам факт спуска вызовет слухи?

Отец Лаврентий заговорил раньше всех.

— Если я закрою глаза, потому что боюсь слухов, я буду не хранителем часовни, а сторожем красивой лжи.

Мефодий медленно повернулся к нему.

— Вы отвечаете за людей, приходящих туда молиться.

— Именно поэтому я здесь.

— Вы понимаете, что разговоры о беде под часовней могут разрушить доверие прихожан?

— А если беда выйдет сама? Что разрушит больше — наш осторожный спуск или холодовой выброс во время службы?

Мефодий не ответил.

Иногда молчание — это не согласие.

Иногда это место, где умный человек переставляет защиту.

— Лютов, — сказал он вдруг.

Вот оно.

Я поднял голову.

— Да?

— Вы видели под часовней разлом?

— Нет.

— Вы видели открытый узел?

— Нет.

— Тогда на каком основании утверждаете, что там опасность?

— Я не утверждаю, что там открытый разлом. Я утверждаю, что найденные признаки соответствуют перегруженному стабилизирующему узлу старого контура.

— Простыми словами.

— Под часовней может быть не беда, а пробка. Если её не проверять, давление будет расти. Если открыть неправильно — может ударить. Если закрыть ещё сильнее — ударит позже, но сильнее.

Мефодий смотрел внимательно.

— Вы говорите о святом месте как о трубе.

— Нет. О трубе проще. Труба не полна людей, которые верят, что она их спасёт.

Он молчал.

Я продолжил, хотя Лиска, будь она рядом, уже пнула бы меня мысленно.

— Не всякая трещина под святыней даёт право трогать святыню. Верно. Но всякая трещина, которая может убить людей внутри святыни, даёт обязанность хотя бы узнать, куда она идёт.

Мефодий опустил глаза на документы.

— Вы опасный человек, Лютов.

— Я раненый человек на носилках.

— Опасность редко зависит от позы.

С этим трудно было спорить.

Горн подал заранее подготовленный план.

— Предлагаем компромисс.

Мефодий взял лист.

Горн перечислил:

— Верхняя часть часовни не затрагивается. Иконы, алтарная зона, свечное место — без вмешательства, кроме уже согласованной замены металлической стойки на каменную основу. Спуск осуществляется через старый хозяйственный вход, если он будет открыт ключом. Входят пять человек: я, Лютов, Дарен, отец Лаврентий и представитель духов-

ной канцелярии. Писарь остаётся у входа и ведёт журнал. Металлические инструменты не используются в нижней зоне. Только деревянные клинья, каменные подложки, восковые метки, сухой песок, верёвка. Никакого ремонта. Только осмотр. При росте активности — немедленный выход.

Мефодий смотрел на лист.

— Вы уже подготовили порядок.

— Да.

— До разрешения.

— При авариях сначала готовят порядок, потом ждут, разрешит ли мир ему пригодиться, — сказал я.

Мефодий посмотрел на меня.

— Вам трудно молчать.

— Да.

— Это тоже опасно.

— Знаю.

Он снова вернулся к листу.

— “Без вскрытия кладки”. “Без перемещения подкладных камней”. “Без публичного оглашения до согласованного заключения”. “При признаках разрушения или осквернения спуск прекращается”.

— Формулировку “осквернение” нужно уточнить, — сказал Ратников.

— Почему?

— Потому что иначе любое касание можно назвать осквернением задним числом.

Мефодий прищурился.

Ратников спокойно продолжил:

— Предлагаю: “осквернением признаётся намеренное повреждение освящённых предметов, алтарной зоны, икон, верхней кладки часовни или совершение действий, не связанных с аварийным освидетельствованием.”

— Вы очень аккуратно режете слова, писарь.

— Работа такая.

— И на чьей вы стороне?

Ратников ответил не сразу.

— На стороне записи, которую потом можно будет читать без стыда.

Отец Лаврентий тихо сказал:

— Этого достаточно.

Мефодий встал.

Подошёл к полке с регистрами.

Достал один.

Потом второй.

Я заметил, как Ратников слегка поднял голову.

Он что-то увидел.

Мефодий вернулся к столу.

— Я могу дать разовое разрешение на ограниченный спуск для освидетельствования нижнего помещения без вскрытия каменной кладки. Не более часа. При участии духовного наблюдателя.

— Кто? — спросил Горн.

— Брат Сила Ферапонтов.

Дверь сбоку открылась.

Вошёл человек лет тридцати пяти. Высокий, широкоплечий, в простой тёмной одежде. Не священник. Скорее храмовый служитель. Лицо грубое, прямое, глаза настороженные. Двигался он как бывший стражник или солдат: не быстро, но так, будто пространство заранее уступает.

— Брат Сила будет смотреть, чтобы вы не тронули лишнего, — сказал Мефодий.

Сила посмотрел на меня.

— Я буду смотреть.

— Тогда смотрите внимательно, — сказал я. — Лишнее обычно трогает первым.

Он нахмурился.

— Шутник?

— Пациент.

— Хуже.

Лиске он бы понравился.

Или она захотела бы проверить его ножом.

Иногда это у неё близкие реакции.

Мефодий сел и начал писать разрешение.

Медленно.

Слишком медленно для человека, который уже принял решение.

Значит, не всё.

Ратников тем временем смотрел не на разрешение, а на

регистр, который Мефодий вернул на край стола, не убрав до конца.

— Архидиакон, — сказал он мягко. — Этот реестр относится к Варлаамовой часовне?

— Да.

— Могу я уточнить одну запись?

— Нет.

— Она касается холодного камня?

Мефодий замер.

Ладов тоже поднял голову.

Сомов, который до этого почти не двигался, посмотрел на регистр.

— Ратников, — сказал Мефодий очень тихо, — вы слишком внимательно смотрите на чужие книги.

— Это профессиональное несчастье.

— Запись не относится к текущему делу.

— Если в ней есть жалобы на холодный камень, относится.

Мефодий закрыл регистр ладонью.

— Это духовные записи прихожан.

Отец Лаврентий тихо спросил:

— Какой год?

Мефодий молчал.

Ратников сказал:

— Я успел увидеть: “О холодном камне Варлаама. Жалобы прихожан. Зима...” Год не дочитал.

Ладов резко произнёс:

— В связи с аварийным делом по северо-западному участку прошу предоставить копию записи или заверенную выписку.

Мефодий посмотрел на него.

— Канцелярия духовная не подчиняется городской.

— Но аварийное дело затрагивает городской риск, верхний склад, гильдейский надзор и возможное повреждение общественного места, — сказал Ладов.

Он говорил сухо.

Но голос у него дрожал.

Не от страха.

От того, что он впервые сам толкал дверь, а не стоял рядом с ней.

Сомов добавил:

— Лучше дать выписку сейчас, чем объяснять позже, почему сведения о холодном камне не были приобщены после запроса.

Мефодий медленно убрал ладонь.

— Восемь лет назад, — сказал он.

Тишина.

Даже Сеньки не было, чтобы испортить её вовремя.

Восемь лет.

Значит, симптом был не новый.

Не с этой зимы.

Не после Верхнего склада.

Не после Макарова дара, как могли бы с радостью записать недоброжелатели.

Восемь лет люди прикладывали руки к холодному камню, а где-то в регистре уже лежала строчка, что это не просто обряд.

— Были жалобы? — спросил отец Лаврентий.

— Были вопросы, — сказал Мефодий.

— От кого?

— От предыдущего настоятеля. От нескольких прихожан. От одной женщины, чей ребёнок после долгих молитв у камня заболел сильнее. Это не было признано связанным.

— Конечно, — сказал я.

Мефодий посмотрел на меня тяжело.

— Вы хотите обвинить духовную канцелярию?

— Нет.

— Звучит как да.

— Я хочу, чтобы восьмилетний симптом наконец перестал быть красивой легендой.

Отец Лаврентий закрыл глаза.

— Дайте выписку, архидиакон.

— Вы понимаете последствия?

— Лучше, чем вчера.

Мефодий долго смотрел на него.

Потом кивнул писцу у стены.

— Сделать заверенную выписку. Без имён прихожан.

— С датой, — сказал Ратников.

— С датой.

— И с формулировкой “холодный камень”.

Мефодий чуть сжал губы.

— С формулировкой.

Вот так.

Ещё один клин вошёл туда, где раньше был гладкий за-
прет.

Разрешение нам дали через час.

Не победа.

Победы обычно шумят.

Это было другое.

Осторожное смещение нагрузки.

Разовый ограниченный спуск.

Без вскрытия.

Без металла.

Без публичных выводов.

С братом Силой.

С записью.

С риском, который теперь был слишком официальным,
чтобы делать вид, что его нет.

Когда нас вывели из духовной канцелярии, Лиска ждала
у ступеней.

Рядом стоял Сенька и выглядел так, будто только что слу-
чайно спас мир, но пока не придумал, как об этом красиво
сказать.

— Ну? — спросила Лиска.

— Пустили, — сказал я.

— Плохо.

— Почему?

— Если пустили, значит, там точно есть что прятать.

Сенька кивнул.

— А ещё у них задняя дверь скрипит.

Все посмотрели на него.

— Что? Я изучал пути отхода.

— И? — спросил Горн.

— Плохая дверь. Хорошая охрана. Один толстый писец ест орехи в коридоре. У духовной канцелярии скучная, но устойчивая оборона.

— Записать? — спросил Мишка, которого здесь, к счастью, не было.

Я очень ясно услышал этот вопрос в голове.

И неожиданно улыбнулся.

Дом встретил нас тревожно.

Арина уже знала по лицу Лиски, что разрешение получено. Устинья сразу начала ругаться, потому что “разрешение” в её понимании означало, что меня снова куда-то потащат.

— Не сегодня, — сказал я.

— Удивительно. У тебя ещё остались следы разума.

— Завтра утром.

— Я рано порадовалась.

Подготовка началась сразу.

Деревянные клинья.

Каменные подложки.

Сухой песок.

Восковые метки.

Верёвка.

Лампы с закрытым огнём.

Ткань для рук.

Никакого железа в нижней зоне.

Дед Яр проверял клинья.

Горн — метки.

Дарен — порядок спуска.

Ладов переписывал разрешение.

Ратников сверял выписку о холодном камне.

Отец Лаврентий молча держал небольшой свёрток со свечой и короткой молитвой, которую, видимо, должен был прочитать перед спуском.

Брат Сила пришёл вечером.

Не вошёл в дом, пока Лиска не разрешила.

Это было разумно.

— Завтра я иду с вами, — сказал он.

— Мы слышали, — ответила Лиска.

— Я буду смотреть, чтобы вы не нарушили.

— А я буду смотреть, чтобы ты не мешал.

Сила посмотрел на неё.

— Ты кто?

— Плохое настроение Макаровой судьбы.

— Понятно.

— Нет, но достаточно.

Он повернулся ко мне.

— Лютов. Я не доверяю вам.

— Взаимно.

— Хорошо.

— Правда?

— С доверчивыми хуже. Они потом обижаются.

Я начал думать, что брат Сила может оказаться полезным.

В старой жизни перед спуском в опасную зону проверяли газ, давление, связь и выход.

Здесь мы проверяли свечи, печати, совесть и то, кто потом сможет сказать, что нас там не было.

Разница была меньше, чем хотелось.

Поздно ночью я лежал без сна.

Слушал дом.

Арина дышала ровнее.

Мишка спал, обняв журнал.

Лиска сидела у двери.

Снаружи Остап отмечал прохожих.

На столе лежали разрешение духовной канцелярии, выписка о холодном камне, пластина Прокопа и карта, где Варлаамова часовня теперь была не просто символом.

А точкой риска.

Я смотрел на неё и думал: иногда самая опасная часть аварии — не там, где давление самое высокое.

А там, где все привыкли говорить шёпотом.

Наутро нам предстояло спуститься под место, где люди просили спасения, и проверить, не там ли город прятал причину своей беды.

Глава 6. Спуск под часовню

В опасные места лучше входить утром.

Не потому что утром безопаснее.

Просто если выживешь, останется день, чтобы понять, какую глупость ты только что сделал.

Утро началось с проверки.

Не молитвы.

Не завтрака.

Не вдохновения.

С проверки.

Деревянные клинья — сухие, без трещин.

Каменные подложки — чистые, не крошатся.

Восковые метки — в отдельном мешке.

Сухой песок — два плотных свёртка.

Верёвка — без гнилых участков.

Лампы — с закрытым огнём.

Ткань для рук.

Копия разрешения духовной канцелярии.

Пластина Прокопа Седых — в каменном футляре, обсыпанная песком.

Ни одного железного инструмента для нижней зоны.

Это, конечно, не отменяло того факта, что половина города была построена на железных решениях людей, которым в своё время тоже казалось, что они всё предусмотрели.

Устинья стояла у моего тюфяка и смотрела на меня так, как смотрят на больного, который решил доказать миру, что диагноз — это только мнение.

— Повязку покажи.

— Доброе утро и вам.

— Повязку.

Я подчинился.

С ней спорить было всё равно что спорить с аварийным клапаном: шумно, бесполезно и опасно.

Устинья проверила рану, нахмурилась, потом перетянула чуть плотнее. Я вдохнул сквозь зубы.

— Больно? — спросила она.

— Нет, я просто вспомнил стихи.

— Значит, жить хочешь. Те, кто шутит, ещё цепляются.

— Хорошая диагностика.

— Лучше твоей. Я хоть проценты не вижу и людям мозги не порчу.

Она заставила меня выпить отвар. На вкус он был как наказание за грехи, совершённые заранее.

Потом наклонилась ближе.

— Если начнёшь видеть слишком много, закрывай глаза.

— Контур не глазами смотрит.

— Тогда закрывай гордость.

Я хотел ответить.

Не нашёл, что.

Иногда старые женщины опасны именно тем, что попада-

ют без системы.

Арина сидела у окна, закутавшись в тёплую шаль. Лицо бледное, но взгляд ясный. Лучше, чем неделю назад. Не здоровая — до этого было далеко. Но уже не такая прозрачная, будто свет за окном может пройти сквозь неё.

— Макарушка, — сказала она тихо.

Я посмотрел на неё.

Она редко говорила перед моим уходом. Обычно просто смотрела так, что все мои планы сразу становились меньше и тяжелее.

— Я вернусь.

— Я не об этом.

— А о чём?

— Не тащи всё один.

Я усмехнулся.

— Меня вообще носят.

— Ты понял.

Да.

Понял.

Именно это было хуже.

Мишка подал мне маленькую дощечку с кратким списком. Он переписал порядок действий сам, крупно, аккуратно:

Не металл. Не вскрывать. Смотреть только узел. При росте активности — выход. Макару не геройствовать.

Пятый пункт был подчеркнут два раза.

— Это кто добавил? — спросил я.

Мишка посмотрел на Лиску.

Лиска посмотрела на меня.

— Я бы добавила ещё “сильно не умничать”, но места не хватило.

— Сомнительный документ.

— Зато полезный.

Горн пришёл ровно к назначенному времени.

Дарен — следом.

Брат Сила уже ждал у ворот, прямой, тяжёлый, спокойный. На нём не было ни меча, ни металлических застёжек. Духовная канцелярия подготовилась серьёзно. Или он сам понял.

Это было неплохо.

Ладов и Ратников должны были ждать у часовни. Писари, как выяснилось, тоже делились на тех, кто идёт внутрь опасности, и тех, кто потом очень точно описывает, почему они туда не пошли.

Лиску официально не включили.

Она официально ничего не сказала.

Неофициально надела плащ, спрятала нож и вышла за нами.

Горн посмотрел на неё.

— Ты неходишь вниз.

— Я знаю.

— И в часовню без разрешения.

— Конечно.

— Лиска.

— Я буду снаружи.

— Где именно?

— Там, где понадобится.

Горн вздохнул.

— У вас в Нижних это считается ответом?

— У нас это считается планом, — сказала она.

Мы выехали.

У часовни уже были люди.

Не толпа, но достаточно. Старухи у ограды. Две женщины с детьми. Мужчина с перевязанной рукой. Несколько верхних горожан, делающих вид, что они оказались здесь случайно. Пара храмовых служек. И слишком много взглядов.

Когда люди видят носилки, гильдейские метки и духовного наблюдателя, они редко думают: “Как хорошо, всё спокойно”.

Они думают: “Что от нас скрывают?”

И часто оказываются правы.

Отец Лаврентий стоял на ступенях часовни.

Спокойный.

Бледный.

Уставший.

Но на месте.

Он поднял руку, и шёпот немного стих.

— Сегодня нижнее помещение проверяют не против свя-

тыни, — сказал он, — а ради тех, кто приходит сюда просить защиты.

Кто-то перекрестился.

Кто-то начал шептаться громче.

Одна женщина спросила:

— Часовня опасна, отец?

Лаврентий помолчал.

Очень коротко.

Но я заметил.

— Опасно не знать, что держит место, где стоят люди, — ответил он. — Поэтому мы проверяем.

Хороший ответ.

Не успокоил полностью.

Но не соврал.

Я начал уважать его всё больше.

Внутри часовни северная часть была ограничена простой верёвкой и деревянной табличкой:

“Очистка и проверка камня. Не прикасаться.”

Ладов стоял у боковой двери со столиком для записей. Ратников рядом листал копии разрешения. Он выглядел так, будто ему физически больно оставаться наверху.

— Не пустили? — спросил я.

— Пустили бы — я бы отказался, — сказал он.

— Конечно.

— Не надо так смотреть. Кто-то должен записать, что вы вообще туда входили.

— А если мы не выйдем?

— Тогда тем более.

Неприятный человек.

Полезный.

Брат Сила достал ключ.

Большой, старый, тёмный. Не железный? Нет. Железо, но ключ должен был использоваться только в верхней зоне. Он держал его через ткань, не касаясь голой рукой. Горн это заметил и одобритительно кивнул.

— Я открываю, — сказал Сила. — После входа ключ остаётся наверху.

— Хорошо, — сказал Горн.

— Если внизу будет угроза святыне, я прекращу спуск.

— Если внизу будет угроза жизни, прекращу я, — сказал Горн.

— Если внизу будет угроза разуму, — сказал я, — нас поздно предупредили.

Сила посмотрел на меня.

— Ты всегда так говоришь?

— Нет. Иногда хуже.

— Плохо.

— Но честно.

Он повернул ключ.

Старая боковая дверь открылась с сухим каменным вздохом.

Изнутри потянуло холодом.

Не подвальным.

Подвал пахнет сыростью, землёй, грибком, мышами, старым деревом.

Этот холод был сухой.

Тонкий.

Неправильный.

Контур сразу мигнул:

[Обнаружена зона пониженной тепловой устойчивости]

Источник:нижнее помещение;старая приёмная камера;остаточная холодовая тяга.

Рекомендация:ограничить время пребывания;избегать металлического контакта;контролировать дыхательные швы.— Началось, — сказал я.

— Что? — спросил Ладов.

— Холод не от погреба.

Он записал.

Отец Лаврентий прочёл короткую молитву.

Не громко.

Не торжественно.

Просто.

Как человек, который понимает: молитва не заменяет клин, но иногда помогает руке не дрогнуть, когда клин ставят.

Потом начался спуск.

Лестница была узкая.

Каменная.

Старая.

Макар Лютов, будущий великий мастер чего-нибудь там, спускался вниз на руках двух людей, которым приходилось делать вид, что это не унизительно.

Горн держал меня слева.

Брат Сила — справа.

Сила был сильнее, чем казался. А казался он человеком, который мог поднять дверь вместе с косяком и потом объяснить, что это была необходимость.

— Упадёшь — я тебя понесу, — сказал он.

— Угроза или забота?

— Обязанность.

— Очень духовно.

— Молчи и ставь ногу.

— Я раненый.

— Поэтому молчи короче.

Горн тихо хмыкнул.

Дарен шёл впереди с лампой. Отец Лаврентий за ним. Мы — следом. Замыкал Сила, когда перестал меня поддерживать на ровных участках, но всё равно держался рядом, как живая подпорка с недоверием.

Внизу оказалось не темно.

Серое.

Так бывает в местах, где свет вроде есть, но он не хочет оставаться.

Нижнее помещение действительно можно было назвать

криптой, если очень стараться и не смотреть на детали.

Низкий свод.

Каменные стены.

Старая ниша, где когда-то могли стоять сосуды или погребальные лампы.

Плиты пола.

Но всё было слишком функционально.

Слишком правильно.

Слишком мало места для памяти и слишком много — для потока.

Горн осмотрелся и сказал:

— Это не крипта.

— Нет, — ответил я. — Это помещение, которому потом придумали более приличное имя.

Отец Лаврентий молчал.

Для него это было тяжелее, чем для нас.

Мы пришли искать технический узел.

Он спустился под место молитвы и увидел, что под ним давно лежит не тайна веры, а тайна ремонта.

Дарен поставил первую восковую метку на сухой камень.

Не на шов.

Не на металл.

На нейтральную поверхность.

Метка дрогнула, но не потекла.

Хорошо.

Я попросил поставить меня у стены, на каменную скамью

или что-то похожее. Сила помог. Не нежно, но аккуратно.

— Жив? — спросил он.

— Пока.

— У вас это приветствие?

— В Нижних — да.

Я посмотрел на камеру.

Не всё.

Только нижняя структура.

Только третий приём.

Только то, что держит и давит.

Контур развернулся медленно.

Сначала линии.

Потом узлы.

Потом швы.

Потом холод.

[Фокусированный анализ]

Объект: третий приём / Зоринский узел.

Функция:стабилизация перенаправленного остаточного давления;сброс холодовой тяги;компенсация нижнего запора К-4.

Состояние:перегрузка;дыхательные швы частично закрыты;боковой отвод заблокирован;приёмная камера работает в режиме накопления.

Активность: 11%

Риск:холодовой выброс;локальное промерзание кладки;трещина в северо-западной опоре часовни.

Рекомендация: не вскрывать резко; не запечатывать; выполнить локальную разгрузку дыхательного шва; проверить позднюю глухую кладку. Одиннадцать процентов.

Для разлома это вроде немного.

Для святого места, полного людей наверху, — слишком много.

— Активен, — сказал я.

Горн коротко кивнул.

— Уровень?

— Одиннадцать. Накопление. Боковой отвод заблокирован.

Дарен побледнел.

Он уже понимал, что это значит.

Блокированный отвод — это не закрытая дверь.

Это зажатое горло.

— Где? — спросил Горн.

Я показал на северо-западную стену.

— Там поздняя кладка. Под ней шов. Слева плита — не наступать.

Сила посмотрел на плиту.

— Почему?

— Потому что она держит вид, а не вес.

Он взял деревянную рукоять из набора Дарена и осторожно коснулся плиты.

Звук был пустой.

Потом под краем пошла тонкая белая трещина.

Сила убрал руку.

Посмотрел на меня.

Уже иначе.

Не доверяя.

Но слушая.

Это было лучше.

— Обходить, — сказал он.

И сам переставил ногу дальше от плиты.

Горн подошёл к северо-западной стене.

Дарен присел рядом.

— Шов вижу, — сказал он.

— Не тот, который сверху, — сказал я. — Ниже. Тот, который устал.

Дарен провёл лампой.

Свет скользнул по кладке.

Сначала ничего.

Потом стало видно: участок стены отличался. Раствор другой. Камни подогнаны грубее. Не северная артель. Поздняя работа. Глухая. Без дыхания.

— Нашёл, — сказал Дарен.

— Хорошо.

Горн провёл пальцем в воздухе, не касаясь стены.

— Поздняя кладка.

— Да.

— И скобы?

Я присмотрелся.

Контур подсветил внутри стены тонкие холодные линии.
[Боковой отвод]

Статус: заблокирован.

Материал блокировки:поздняя кладка;известковый раствор;металлические скобы внутри.

Предупреждение:металл усиливает холодовой отклик.—
Есть металл, — сказал я.

Отец Лаврентий тихо произнёс:

— Но вы же запретили металл.

— Мы запретили сейчас, — сказал Горн. — Кто-то раньше был другого мнения.

— Кто-то закрывал не по северной артели, — сказал Дарен.

Я смотрел на глухую кладку.

— Или по приказу того, кто считал, что крепче значит лучше.

Брат Сила нахмурился.

— Крепче — плохо?

— Если системе надо дышать — да.

— Камень должен держать.

— Камень должен держать то, что должен. Если он держит давление, которому нужен выход, он становится пробкой.

Сила помолчал.

— Понятно.

Не уверен, что полностью.

Но для первого раза достаточно.

Дарен поставил вторую восковую метку рядом с подозрительным швом.

Слишком близко.

Я хотел сказать “стоп”.

Не успел.

Воск побелел.

Лампа у Дарена вспыхнула синим кончиком.

По стене пошла тонкая линия инея — от места, где в глубине сидела металлическая скоба.

— Назад! — сказал Горн.

Дарен отшатнулся.

Но метка уже потекла не вниз.

Вбок.

К шву.

Плохой знак.

Отец Лаврентий начал молиться. Тихо. Быстро. Не от паники. От привычки держать себя, когда камень начинает вести себя как живой.

Сила шагнул между нами и лестницей, будто мог остановить холод плечами.

— Не закрывать выход, — сказал я.

Он резко посмотрел на меня.

— Я защищаю.

— Тогда защищай путь назад.

Он понял.

Отступил на полшага, но остался готовым.

Хороший.

Упрямый, но не тупой.

— Песок, — сказал я. — Не на метку. На шов ниже. Дарен, слышишь?

— Слышу.

— Каменную подложку справа. Деревянный клин в малый просвет. Не забивать. Только вставить. Нам нужен не запор, а щель.

Дарен сглотнул.

— Понял.

— Дарен.

— Да?

— Ты видишь шов?

— Вижу.

— Не тот, который страшный. Тот, который устал.

Он замер на секунду.

Потом кивнул.

— Понял.

И сделал правильно.

Песок лёг у основания шва, впитывая влагу, которая там не должна была появляться. Каменная подложка отсекала метку от прямого контакта с холодной линией. Деревянный клин вошёл в малый просвет не как пробка, а как распорка, удерживающая узкую щель открытой.

Дарен не забил.

Только поставил.

И отнял руку.

Иней остановился.

Синий кончик лампы стал меньше.

Контур дрогнул:

[Локальная разгрузка выполнена]

Активность: 11% → 8%

Риск холодового выброса: высокий → средний.

Навык: Координация через внешнего исполнителя
+0.3% Я выдохнул.

И только тогда понял, что всё это время почти не дышал.

— Хорошо, — сказал Горн.

Дарен сел прямо на каменный пол.

— Я чуть не поставил метку в скобу.

— Чуть не поставил, — сказал я. — Но не поставил.

— Это не утешает.

— Значит, вырастешь.

Отец Лаврентий закончил молитву.

Смотрел на стену.

На песок.

На клин.

На след инея.

Потом сказал:

— Они поставили людей молиться над тем, что сами боялись помнить.

Никто не ответил.

Потому что ответ был в стене.

Горн осмотрел позднюю кладку ещё раз.

— Вскрывать нельзя.

— Разрешение не позволяет, — сказал Лаврентий.

— И состояние не позволяет резко, — добавил я. — Если открыть без подготовки, получим выброс.

— Но если не открыть?

Я посмотрел через Контур.

[Временная стабилизация]

Активность: 11% → 8%

Состояние: нестабильно допустимое.

Прогноз: при сохранении блокировки бокового отвода — рост активности в течение 5–9 суток.

Риск: повторный холодовой отклик в верхней части часовни; возможный сброс в сторону Верхнего склада или Нижних Клиньев. — Пять-девять суток, — сказал я.

Горн медленно повернулся.

— До чего?

— До роста активности. Не до катастрофы обязательно. Но до нового отклика. Верх часовни. Склад. Или Нижние.

Сила сказал:

— Ты уверен?

— Нет. Но Контур показывает такой прогноз.

Он нахмурился.

— Твой дар?

— Моя головная боль.

— Удобно.

— Хотел бы я, чтобы было удобнее.

Горн присел у глухой кладки, осматривая нижний камень.

— Нам нужно доказательство, что это закрыли по приказу.

— Ищите маркировку, — сказал я. — На блоке. На внутреннем крае. Там, где мастер оставил бы себе память, а приказчик — контроль.

Дарен поднялся.

Осторожно поставил лампу сбоку.

Свет прошёл по нижнему камню под странным углом.

Сначала ничего.

Потом Сила сказал:

— Тут царапина.

Он показал на внутренний край блокирующего камня, почти у пола, за слоем извести.

Дарен расчистил не ножом — деревянной щепкой.

Появились буквы.

Не красивые.

Рабочие.

“По приказу К.З. — глухая кладка.”

Горн застыл.

Отец Лаврентий закрыл глаза.

Я почувствовал не радость.

Не победу.

Холод.

Другой.

Человеческий.

Вот оно.

“Не закрывать полностью” — на пластине Прокопа.

“Глухая кладка” — здесь.

Между этими двумя фразами лежал двадцать один год чужой беды.

— К.З., — сказал Дарен.

— Климент Зорин, — сказал Горн.

— Или кто-то очень хотел, чтобы мы так подумали, — добавил я.

Горн посмотрел на меня.

— Ты всегда портишь ясные ответы?

— Я слишком долго работал с авариями. Ясный ответ обычно оказывается крышкой от более грязного.

Сила наклонился ближе, но не тронул камень.

— Это можно вынести в доклад?

— Нужно, — сказал Горн.

Отец Лаврентий тихо произнёс:

— Запишите точно.

— Ладов наверху, — сказал Дарен.

— Я запомню, — сказал Сила.

Все посмотрели на него.

Он нахмурился.

— Я не только смотреть умею.

— Хорошо, — сказал я. — Запоминайте: нижний блок поздней глухой кладки, северо-западная стена, надпись “По

приказу К.З. — глухая кладка”. Без касания. Без снятия.

— Запомнил.

— И то, что при метке был холодовой отклик.

— Запомнил.

— И что открывать нельзя без подготовки.

— Это я особенно запомнил.

Горн встал.

— Осмотр закончен. Мы получили больше, чем могли, и почти меньше, чем опасно.

— Это как? — спросил Сила.

— Это значит — уходим до того, как место решит продолжить разговор.

Я был согласен.

Редкий случай.

Перед выходом я посмотрел ещё раз.

Не глубоко.

Только общая структура.

Камера была не злой.

Это было важное ощущение.

Не проклятой.

Не тёмной.

Не демонической.

Она была перегруженной.

Заблокированной.

Заставленной копить то, что должно было уходить.

Если бы это была труба, я бы сказал: её убили не давле-

нием, а заглушкой.

Если бы человек — не болью, а запретом говорить.

Отец Лаврентий остановился у лестницы.

— Можно я...?

Горн кивнул.

Священник повернулся к камере и тихо прочёл молитву.

Но теперь она звучала иначе.

Не как просьба к святому камню.

А как извинение перед местом, которое слишком долго использовали неправильно.

Сила помог мне подняться.

На лестнице он держал меня крепче, чем при спуске.

— Ты не осквернил, — сказал он тихо.

— Это пока.

— Нет. Ты остановился там, где мог полезть дальше. Это труднее.

Я посмотрел на него.

— Для человека, который мне не доверяет, вы слишком добры.

— Я всё ещё не доверяю.

— Тогда что это?

— Наблюдение.

— Духовная канцелярия плохо на вас влияет.

— Возможно.

Наверху нас встретил свет.

И люди.

Всегда люди.

Стоило открыть боковую дверь, как все взгляды повернулись к нам. Ладов вскочил. Ратников уже держал перо. Лиска смотрела только на меня — быстро, цепко, проверяя лицо, руки, повязку.

— Живой? — спросила она.

— Все сегодня такие оригинальные.

— Живой?

— Да.

Она кивнула и больше ничего не сказала.

Это у неё означало многое.

Отец Лаврентий вышел к прихожанам.

Не сразу.

Сначала постоял, опираясь ладонью на стену.

Потом расправил плечи.

— Нижнее помещение требует укрепления и очищения,
— сказал он. — Часовня остаётся открытой, но северная часть будет ограничена. Холодный камень временно закрыт для прикосновений. Это делается ради безопасности тех, кто приходит сюда молиться.

— Там опасно? — спросила всё та же женщина.

Отец Лаврентий ответил:

— Там есть работа, которую нельзя откладывать.

Не ложь.

Не вся правда.

Но хороший временный мост.

Ладов записывал быстро.

Ратников — ещё быстрее.

Горн продиктовал:

— Обнаружена поздняя глухая кладка в зоне предполагаемого бокового отвода. Зафиксирован локальный холодовой отклик при постановке метки. Выполнена временная разгрузка без вскрытия кладки. Активность снижена, но риск сохраняется. Требуется разрешение на подготовленное открытие бокового отвода.

— Надпись, — сказал Сила.

Ладов поднял голову.

Сила повторил точно:

— Нижний блок поздней глухой кладки, северо-западная стена: “По приказу К.З. — глухая кладка”.

Ратников медленно повернулся к нему.

— Вы уверены в формулировке?

— Да.

— Свидетельствуете?

— Да.

Ратников записал.

Ладов тоже.

Вот теперь у фразы появились ноги.

Она могла ходить по кабинетам.

И кусать.

Пока нас спускали по ступеням часовни, я увидел в толпе Сеньку.

Он, конечно, стоял там, где не должен был.

И делал вид, что всегда был частью декоративной ограды.

Когда наши взгляды встретились, он показал три пальца, потом нарисовал в воздухе маленький круг.

Знак понятен: хвост есть.

Кто-то наблюдает.

Снова.

Не удивительно.

Теперь это дело было слишком большим для тишины.

Дома меня уложили почти насильно.

Устинья проверила повязку и сказала, что если я ещё раз куда-нибудь спущусь до конца недели, она лично закопает меня неглубоко, чтобы не тратить силы.

Мишка записывал всё с горящими глазами.

Арина слушала молча.

Когда дошли до надписи “По приказу К.З.”, она тихо сказала:

— Значит, кто-то знал.

— Да.

— И всё равно закрыл.

— Да.

Она закрыла глаза.

— Страшно, когда зло выглядит как порядок.

Я подумал о Зорине.

О глухой кладке.

О людях, которые прикладывали руки к холодному кам-

ню.

О Прокопе, которому сломали руку.

О духовной канцелярии, где восемь лет лежала запись о холодном камне.

— Иногда порядок — это просто зло, которому выдали печать, — сказал я.

Лиска у окна резко посмотрела на меня.

— Это лучше не говорить при писарях.

Ратников, стоявший у стола, не поднял глаз.

— Поздно.

— Вы это записали?

— Нет.

— Почему?

— Потому что некоторые фразы должны сначала выжить в человеке, а потом уже в бумаге.

Станный был человек.

Почти опасно честный для писаря.

К вечеру Горн принёс первичный вывод:

Зоринский узел подтверждён. Третий приём активен. Бокковой отвод заблокирован поздней глухой кладкой. В кладке присутствуют металлические скобы. Найдена надпись, связывающая блокировку с приказом К.З. Временная разгрузка снижает риск, но не устраняет его. Прогноз роста активности — пять-девять суток.

Пять-девять суток.

Это уже был не след.

Это был срок.

Срок — вещь честная.

Он не спрашивает, удобно ли тебе.

Он просто идёт.

Ночью я долго не мог уснуть.

Перед глазами стояла камера.

Серый камень.

Сухой холод.

Глухая кладка.

Восковая метка, белеющая у шва.

И надпись:

“По приказу К.З.”

Мы не вскрыли Зоринский узел.

Мы только увидели, как он держит город за горло и ждёт,
когда кто-нибудь снова назовёт это порядком.

Под часовней не было тьмы.

Там была работа, которую когда-то сделали неправильно
— и двадцать один год учили людей молиться над ошибкой.

Глава 7. Не закрывать полностью

Срок — вещь честнее приказа.

Приказ можно переписать.

Вину — переложить.

Доклад — спрятать.

Срок просто идёт.

Пять-девять суток.

Я проснулся с этими словами в голове, как с чужим гвоздём под кожей. Даже боль в боку отступила на второе место. Она хотя бы была понятной: рана, шов, воспаление, тело, которому не нравилось, как с ним обращаются.

А вот срок — это уже не тело.

Это система.

Если ничего не делать, третий приём под Варлаамовой часовней начнёт снова набирать активность. Холодовой отклик пойдёт куда найдёт путь: в верхнюю часть часовни, в склад, вниз по старым линиям, в Нижние Клины. Куда угодно, кроме места, где сидят люди, когда подписывают запреты.

Аварии вообще редко ходят к тем, кто их оформил.

Они идут к тем, кто ближе.

Утро было серым. Дом дышал дымом, лекарствами и мокрой древесиной. Арина спала. Мишка уже сидел за столом с журналом. Лиска у окна чинила ремешок на ноже. Сенька спал у стены, притворяясь, что не спит. Получалось плохо.

Гвоздь снаружи разговаривал с Остапом.

На столе лежали три главные вещи:

пластина Прокопа;

копия протокола спуска;

и лист, где Мишка крупными буквами переписал две фразы.

Не закрывать полностью.

По приказу К.З. — глухая кладка.

Я смотрел на них долго.

В старой жизни это назвали бы конфликтом проектного решения и фактического исполнения.

На человеческом языке — кто-то знал, как нельзя делать, а потом всё равно приказал сделать именно так.

Горн пришёл ближе к полудню.

С ним были Дарен, Ратников, Ладов, отец Лаврентий и брат Сила. Дед Яр пришёл позже, ругаясь на ногу, погоду и молодых, которые слишком быстро открывают старые беды и слишком медленно их закрывают.

Сомова не было.

Зато от него пришло письмо.

Это почти хуже.

Письмо не кашляет, не морщится и не выдаёт усталость.

Письмо всегда выглядит уверенным.

Ратников прочитал:

— “В связи с результатами ограниченного освидетельствования нижнего помещения часовни Святого Варлаама

назначается предварительное совещание при гильдии разломов с участием городской канцелярии, представителя духовной канцелярии и ответственных лиц. До совещания запрещается: вскрытие кладки, распространение неподтверждённых сведений, самостоятельные работы в зоне часовни и прилегающих подземных каналов.”

— То есть делать нельзя ничего, — сказал Сенька, не открывая глаз.

— Можно писать, — ответил Ратников.

Сенька открыл один глаз.

— Это ещё хуже.

Лиска кивнула.

— Особенно когда пишут те, кто не умеет держать клин.

Горн положил на стол свой черновик доклада.

— Нам нужно успеть сформулировать правильно до совещания. Если они уцепятся за “осквернение” или “неподтверждённость”, мы потеряем день. Может, два.

— У нас их нет, — сказал я.

— Я знаю.

— Не все знают.

Брат Сила стоял у двери, сложив руки на груди. После спуска он смотрел на меня иначе. Не мягче. Нет. Такие люди мягче не становятся от одного подвала. Но внимательнее.

— Я свидетельствую надпись, — сказал он. — И холодной отклик. И что вы не вскрывали кладку.

— Это важно, — сказал Ладов.

— Зачем?

— Потому что вам поверят те, кто не хочет верить Лютову.

— Почему?

Лиска усмехнулась.

— Потому что ты не вор из Нижних.

Сила посмотрел на неё.

— А ты?

— А я хуже. Я с ним.

Он подумал.

— Понятно.

— Нет, — сказала она. — Но достаточно.

Отец Лаврентий сел у стола. Он выглядел старше, чем вчера. Иногда одна ночь с правдой старит сильнее года службы.

— Мне уже прислали напоминание из духовной канцелярии, — сказал он. — Часовня должна оставаться открытой для молитвы, кроме ограниченной северной части.

— Они понимают риск? — спросил Горн.

— Они понимают слово “скандал”.

— А риск?

Отец Лаврентий медленно провёл ладонью по лицу.

— Риск они считают вашим словом. Скандал — своим.

Ратников тихо сказал:

— Поэтому нужен доклад, который заставит риск стать их словом.

Вот почему писарь иногда полезнее меча.

Мечом можно заставить человека отступить.

Пером — подписаться под тем, от чего он потом не сможет отступить без шума.

Мишка приготовился писать.

Горн начал диктовать:

— “О состоянии третьего приёма под часовней Святого Варлаама...”

— Не “третьего приёма”, — сказал Ладов.

Горн посмотрел на него.

— Почему?

— Духовная канцелярия может сказать, что такого термина нет в их документах.

— Но он есть на пластине.

— В рабочей пластине старого каменодела, не в официальном реестре. Лучше: “нижнего помещения с признаками старого приёмного узла”.

Ратников кивнул.

— Верно.

Горн помолчал.

— Пиши так.

Мишка зачеркнул аккуратно, почти с сожалением.

Сенька сказал:

— Документы — это когда правду переодевают, чтобы она прошла мимо стражи.

— Иногда, — сказал Ратников. — Иногда — чтобы её не зарезали на пороге.

Сенька подумал.

— Всё равно неприятно.

— Конечно.

Горн продолжил:

— “При ограниченном освидетельствовании выявлены: поздняя глухая кладка в зоне предполагаемого бокового отвода; металлические скобы внутри кладки; локальный холодовой отклик при постановке метки; надпись на нижнем блоке: ‘По приказу К.З. — глухая кладка’; временная разгрузка дыхательного шва снизила активность с одиннадцати до восьми процентов, но не устранила риск.”

— Про проценты осторожно, — сказал Ладов.

— Опять?

— Да. Если указать точные проценты без признанного измерительного метода, Вельский или кто угодно прицепится.

Дарен нахмурился.

— Но это точные данные.

Ладов устало посмотрел на него.

— Точные для Лютова. Не для комиссии.

— А как писать?

Ратников ответил:

— “По наблюдению Лютова и косвенным признакам активность снизилась, но сохранилась.” А проценты — в приложении гильдии, не в основном тексте.

— То есть правду в подвал? — спросила Лиска.

— В приложение, — поправил Ратников.

— То же самое, только с лестницей.

Я устало закрыл глаза.

Вот так аварии и проигрывают документам.

Не потому что кто-то совсем врёт.

А потому что каждый осторожно убирает острый край, чтобы бумага прошла дальше. Потом следующий убирает ещё один. Потом в отчёте остаётся: “имел место ограниченный нежелательный отклик”, а не “камень под часовней держит город за горло”.

— Напишите и так, и так, — сказал я.

Все посмотрели на меня.

— Основной текст — для тех, кто боится слов. Приложение — для тех, кто потом будет делать работу. Если они потеряют приложение, мы скажем, кто потерял. Если уберут проценты, будет видно, кто убрал.

Ратников медленно кивнул.

— Хорошо.

Ладов записал.

Горн посмотрел на меня.

— Ты учишься не только камень читать.

— Не радуйтесь. Мне это не нравится.

— Работа редко спрашивает.

Дед Яр, наконец добравшийся до стола, ткнул палкой в две фразы.

— Тут всё дело. Не закрывать полностью. И глухая кладка. Остальное — хвост.

— Хвост иногда кусает, — сказал Сенька.

— Поэтому держи дальше от лица.

Сенька хотел ответить, но передумал.

Ещё один редкий случай.

Дед Яр повернулся ко мне.

— На совещании будут говорить, что Зорин спас город.

— Возможно, так и было.

— Не путай.

— Я не путаю. Он мог спасти верхний склон тогда и всё равно оставить беду сейчас.

— Это им не понравится.

— Им многое не понравится.

— Тогда говори проще: временная подпорка не становится стеной от того, что на неё повесили герб.

Ратников сразу записал.

Дед Яр покосился на него.

— Это не для бумаги.

— Уже для бумаги.

— Писари.

— Мастера тоже оставляют знаки, дед.

Старик буркнул, но спорить не стал.

К полудню мы составили первый доклад.

Потом второй.

Потом третий — тот, который можно было показать духовной канцелярии, не провоцируя немедленное обвинение в осквернении.

Четвёртый — гильдейский, с настоящими данными.

Пятый — краткий для Сомова, потому что такие люди любят краткость не из уважения к времени, а потому что в краткой фразе легче спрятать приказ.

Мишка под конец потёр пальцы.

— Я думал, писать легче, чем таскать камень.

Дед Яр сказал:

— Камень хоть видно, куда поставил.

Ратников добавил:

— Слово тоже. Просто падает позже.

Совещание назначили в гильдии.

Не в духовной канцелярии.

Это была маленькая победа Горна и Сомова. Или маленькое поражение Мефодия. В любом случае, площадка имела значение. В духовной канцелярии каждое слово пахло осквернением. В гильдии — риском, метками и ответственностью за объект.

Меня снова повезли.

Устинья сказала, что если я не вернусь до темноты, она больше не будет меня лечить, а начнёт сразу готовить к поминкам.

Я пообещал постараться.

Она ответила, что мои обещания хуже старого раствора.

Наверное, справедливо.

В гильдии было тесно.

Не от людей.

От интересов.

Горн сидел у главного стола.

Рядом — Дарен с рабочими копиями.

Сомов пришёл лично.

С ним Ладов и ещё один сухой чиновник, которого я не знал. Судя по лицу, он был из тех, кто умеет произнести “нецелесообразно” так, что человек чувствует себя приговорённым.

От духовной канцелярии пришёл архидиакон Мефодий Гранов.

С братом Силой.

Отец Лаврентий сидел не рядом с Мефодием, а чуть отдельно.

Это заметили все.

Дед Яр стоял у стены. Садиться отказался: сказал, что на совещаниях сидят те, кто хочет долго врать.

Ратников был при столе.

Сеньку не пустили.

Поэтому я сразу начал искать, откуда он слушает.

Нашёл через две минуты: верхняя галерея, щель между тканевыми знамёнами.

Лиску тоже не пустили.

Её я не видел.

Это тревожило больше.

Совещание начал Сомов.

— У нас пять-девять суток до вероятного роста активно-

сти.

Мефодий сразу сказал:

— “Вероятного”.

— Да, — ответил Сомов. — Поэтому мы здесь, а не эвакуируем часовню немедленно.

— Эвакуировать часовню? — холодно переспросил духовный чиновник.

— Я сказал “не эвакуируем”.

— Сам факт упоминания...

Горн перебил:

— Сам факт подземного узла под часовней важнее того, как вам звучит слово.

Тишина.

Сильное начало.

Не дипломатичное.

Зато гильдейское.

Ратников зачитал краткий доклад. Потом приложил схему. Потом показания Силы. Потом выписку о холодном камне восьмилетней давности.

Мефодий слушал спокойно.

Слишком спокойно.

Когда Ратников дошёл до надписи “По приказу К.З. — глухая кладка”, чиновник из городской канцелярии поднял руку.

— Уточнение. Инициалы “К.З.” не являются достаточным доказательством, что речь идёт о Клименте Зорине.

— Верно, — сказал Сомов.

Я посмотрел на него.

Он продолжил:

— Поэтому мы не утверждаем юридическую вину Кли-
мента Зорина. Мы утверждаем наличие приказной глухой
кладки, нарушающей рабочее предупреждение “не закры-
вать полностью”. Имя приказавшего требует проверки. Но
сама кладка существует уже сейчас.

Умный.

Очень.

Он не дал спору уйти в личность мёртвого Зорина. Вернул
к стене.

А стена была проблемой.

Мефодий сказал:

— Даже если кладка ошибочна, её вскрытие может быть
опаснее.

— Может, — сказал Горн. — Поэтому мы не предлагаем
бить по ней ломом.

— Что предлагаете?

Дарен развернул рабочий лист.

Говорил он сначала неуверенно, но потом выровнялся:

— Подготовленное открытие бокового отвода в три эта-
па. Первый: снятие внешней нагрузки и удаление металли-
ческих элементов из зоны контакта, если доступ возможен
без разрушения. Второй: создание контролируемой разгру-
зочной щели через верхний дыхательный шов, без полного

вскрытия канала. Третий: постепенный вывод холодной тяги в каменную приёмную подложку с сухим песком и восковыми метками контроля.

Мефодий посмотрел на него.

— Вам сколько лет?

Дарен смутился.

— Девятнадцать.

— И вы предлагаете вскрывать основание часовни?

Дарен побледнел.

Горн хотел вмешаться, но я сказал раньше:

— Он предлагает не вскрывать основание. Он предлагает дать системе минимально дышать до полного разрешения. Это не ремонт. Это аварийная разгрузка.

Мефодий повернулся ко мне.

— Вас не спрашивали.

— Вы давили на того, кто говорит по делу. Это почти вопрос.

Брат Сила едва заметно опустил глаза.

Кажется, чтобы скрыть реакцию.

Мефодий не улыбнулся.

— Лютов, вы понимаете, что каждая ваша фраза делает допуск сложнее?

— А каждая задержка делает узел сильнее.

— Вы пугаете.

— Нет. Я считаю.

— На основании дара, который не признан ни гильдией,

ни канцелярией, ни духовной властью.

— На основании холодной трубы, синего пламени, треснувшего воска, глухой кладки, металлических скоб, старой пластины, восьмилетней записи и вашего собственного запрета, который пришёл слишком быстро и слишком точно.

Вот теперь стало тихо по-настоящему.

Сомов посмотрел на меня так, будто я сказал вслух то, что он собирался оставить на потом.

Ратников перестал писать.

Ладов, наоборот, начал.

Мефодий медленно произнёс:

— Вы намекаете, что духовная канцелярия знала о нижнем узле?

Отец Лаврентий закрыл глаза.

Плохой момент.

Опасный.

Но отступать было поздно.

— Я говорю, что запрет был сформулирован так, будто кто-то знал, какие именно камни нельзя трогать.

— Осторожнее.

— Я стараюсь. Если бы не старался, сказал бы проще.

Сенька наверху, кажется, беззвучно восхитился.

Я почти почувствовал.

Сомов вмешался:

— Вопрос не в намерении духовной канцелярии. Вопрос в том, что информация о нижнем помещении и холодном кам-

не существовала раньше текущего дела. Значит, необходимо сопоставить архивы духовной, городской и имущественной канцелярий.

— Архивы? — спросил Мефодий.

— Да.

— Вы хотите расширить дело?

— Дело расширилось само, когда труба лопнула на верхнем складе, — сказал Сомов. — Мы только догоняем.

Горн положил на стол пластину Прокопа.

Не прямо на дерево.

На каменную подложку.

Это заметили.

— Здесь предупреждение мастера: “не закрывать полностью”. Под часовой найдена глухая кладка. Мы можем спорить о виновных. Но если ничего не сделать, спорить будем после следующего отклика.

Отец Лаврентий заговорил тихо:

— Часовня сейчас открыта частично. Люди приходят. Они спрашивают. Я могу удерживать спокойствие день. Два. Может быть, три. Но если холодный камень снова проявится, если свечи снова посинеют, если кто-то заболеет после прикосновения — уже не мы будем управлять слухами. Слухи будут управлять нами.

Брат Сила добавил:

— Я был внизу. Кладка есть. Отклик был. Лютов не вскрывал. Дарен не ломал. Они остановились.

Мефодий посмотрел на него.

— Вы свидетельствуете в пользу гильдии?

— Я свидетельствую то, что видел.

— Вы представитель духовной канцелярии.

— Поэтому и говорю точно.

Этот человек становился всё интереснее.

Мефодий долго молчал.

Потом спросил:

— Что нужно сейчас?

Горн ответил:

— Разрешение на подготовительные работы без полного вскрытия. Снятие внешних усилителей. Установка контрольных меток. Подготовка разгрузочной щели. И отдельное разрешение на аварийное открытие бокового отвода, если активность начнёт расти до критического уровня.

— То есть вы хотите право решать на месте.

— Да.

— Это слишком много.

Я сказал:

— Тогда назначьте своего человека решать вместе с нами.

Все посмотрели на меня.

— Кого? — спросил Мефодий.

Я кивнул на Силу.

— Он был внизу. Он видел. Он не доверяет мне. Отличное качество для наблюдателя.

Сила нахмурился.

— Меня не спросили.

— Теперь спрашивают.

Мефодий смотрел на Силу.

Сомов смотрел на Мефодия.

Горн — на схему.

Ратников — на всех сразу.

Иногда совещание похоже на плохой узел: все держат на грузку, но никто не хочет признать, что именно он сейчас слабое место.

— Брат Сила может присутствовать при подготовительных работах, — сказал Мефодий наконец. — Но не принимать технических решений.

— Духовных тоже не надо, — сказал я. — Нам бы камень удержать.

Лиска где-то невидимо, наверное, закатила глаза.

— Аварийное открытие? — спросил Горн.

Мефодий покачал головой.

— Только после отдельного подтверждения.

— У нас может не быть времени.

— Тогда время станет вашим аргументом.

— Оно станет чьей-то смертью, — сказал отец Лаврентий.

Мефодий болезненно поморщился.

Не от злости.

От того, что фраза попала.

— Я дам условие, — сказал он. — Если два независимых признака роста активности будут подтверждены братом Си-

лой, гильдейским мастером и канцелярским писарем, подготовленная разгрузка может быть начата без нового совещания. Но без полного вскрытия. Только разгрузочная щель.

Горн медленно кивнул.

— Принимаю.

Сомов сказал:

— Зафиксировать.

Ратников уже писал.

Ладов тоже.

Вот так иногда принимаются решения: не потому что все согласны, а потому что никто больше не хочет быть тем, кто сказал “нет” перед трещиной.

Но потом появился Вельский.

Не сам.

Его письмо.

Разумеется.

Письма в этой истории начинали вести себя как мелкие твари: вылезали из щелей в самый неподходящий момент.

Чиновник городской канцелярии передал лист Сомову. Тот прочитал. Лицо не изменилось.

Это было плохим признаком.

— Что там? — спросил Горн.

Сомов положил письмо на стол.

— Жалоба Вельского. Он утверждает, что гильдия и Лютов намеренно раздувают угрозу, чтобы получить доступ к закрытым объектам Верхнего города и духовной собственно-

сти. Требуется отстранить Лютова от работ как лицо с неподтверждённым даром, сомнительной репутацией и прямой заинтересованностью.

Сенька наверху тихо выругался.

На этот раз его слышали.

Все подняли головы.

Сомов сказал:

— Семён Рыжов. Спуститесь.

Пауза.

Потом сверху виновато:

— Я не Семён. Я ткань.

— Ткань, которая ругается, тоже спустится.

Сенька спустился.

С достоинством человека, которого поймали, но ещё не доказали зачем.

— Я наблюдал за безопасностью сверху, — сказал он.

— Молчите, — сказал Сомов.

— Хорошо.

И тут же шепнул мне:

— Но письмо гадкое.

Да.

Гадкое.

Но ожидаемое.

Вельский ударил туда, где было слабое место: Макар Лютов.

Вор.

Браконьер.

Бедняк.

Непризнанный дар.

Слишком много влияния.

Слишком мало статуса.

Мефодий не выглядел довольным.

Значит, письмо пришло не от него.

Сомов посмотрел на меня.

— Что скажете?

Я устал.

По-настоящему.

Не от боли.

От того, что каждый раз, когда камень начинал говорить, люди приносили бумагу и требовали сначала доказать, что камень имеет право на голос.

— Вельский прав в одном, — сказал я.

Лиска, которую всё-таки не было видно, наверняка на-
пряглась.

Горн нахмурился.

— В чём?

— Я лицо с сомнительной репутацией.

Сенька пробормотал:

— Это мягко.

— Спасибо.

Я продолжил:

— Поэтому не надо строить дело на мне. Стройте на том,

что можно проверить без меня. Холодный камень — восемь лет. Труба на складе. Метки. Пластина Прокопа. Свидетельство Силы. Глухая кладка. Металл в шве. Надпись К.З. Прогноз можно спорить. Но стену нельзя отменить, потому что я вам не нравлюсь.

Ратников записал последнюю фразу.

Мефодий смотрел на меня долго.

Потом сказал:

— Это разумно.

— Мне самому неприятно.

Сомов сложил письмо Вельского.

— Лютов остаётся как технический наблюдатель при гильдии. Решения принимает мастер Горн. Записи ведут Ратников и Ладов. Духовную сторону контролируют отец Лаврентий и брат Сила. Так Вельскому будет сложнее утверждать, что всё держится на одном подозрительном мальчишке.

— На подозрительном раненом мальчишке, — уточнил Сенька.

Сомов посмотрел на него.

— Вы хотите попасть в протокол?

— Нет.

— Тогда молчите как ткань.

Сенька замолчал.

Почти.

Совещание закончилось частичной победой.

А частичная победа — это когда тебе разрешают тушить пожар, но запрещают проливать воду на ковёр без отдельного согласования.

Мы получили:

разрешение на подготовительные работы;

право ставить контрольные метки;

право убрать внешние усилители;

право подготовить разгрузочную щель;

право начать ограниченную аварийную разгрузку при двух подтверждённых признаках роста активности.

Мы не получили:

право полностью открыть боковой отвод;

право вскрыть глухую кладку;

право назвать Вельского идиотом официально;

право отдыхать.

Когда нас вывозили из гильдии, Лиска наконец появилась из соседнего коридора.

— Ткань, — сказала она Сеньке.

— Я был отличной тканью.

— Дырявой.

— Зато информированной.

Она посмотрела на меня.

— Ты опять сделал вид, что не важен.

— Это было полезно.

— Это было опасно.

— Почему?

— Потому что если они привыкнут, что можно брать твои глаза и не брать тебя, однажды оставят тебя за дверью.

Я не ответил сразу.

Она была права.

Но и я был прав.

Неприятная ситуация.

В хорошей системе правым должен быть кто-то один.

В плохой — все немного правы, и всё равно трещит.

Дома Арина выслушала кратко.

Мишка записал итоги.

Дед Яр ушёл проверять клинья.

Дарен остался с Горном сверять схему подготовительной разгрузки.

Отец Лаврентий вернулся к часовне.

Брат Сила — с ним.

Сомов уехал в канцелярию.

Ратников задержался.

— Вельский не остановится, — сказал он.

— Я тоже.

— Вы не понимаете. Он не будет спорить со стеной. Он будет спорить с вашим правом на неё смотреть.

— Значит, надо, чтобы на неё смотрел не только я.

— Вы это уже начали.

— Да.

Он кивнул.

— Хорошо.

— Почему вы мне помогаете?

Ратников сложил бумаги.

— Я не вам помогаю. Я помогаю будущему протоколу не стать посмертной отпиской.

— У вас странная совесть.

— Какая есть.

Он ушёл.

Вечером мы снова разложили карту.

Теперь рядом с часовней стояло не просто “Зоринский узел”.

Мишка добавил:

Подготовить разгрузку. Срок: 5–9 суток.

Я посмотрел на эти слова.

Срок шёл.

Документы двигались медленнее.

Но сегодня мы хотя бы поставили им подпорку.

Ночью я долго слушал дом.

Дым тянул лучше.

Балка держалась.

Арина дышала ровнее.

Мишка спал.

Лиска сидела у двери.

Снаружи шёл мелкий дождь.

И где-то под Варлаамовой часовней старая глухая кладка продолжала держать то, что ей когда-то приказали держать наглухо.

На пластине Прокопа было написано:

Не закрывать полностью.

На камне под часовней:

По приказу К.З. — глухая кладка.

Между этими двумя фразами лежал весь наш город.

Мастерское предупреждение.

Административный приказ.

И люди, которые двадцать один год жили сверху, не зная, что под ними спорят камень и ошибка.

Я закрыл глаза.

Завтра начнётся подготовка.

Не ремонт ещё.

Не спасение.

Только попытка дать старой беде первый законный вдох.

Глава 8. Первый законный вдох

Глава 36. Первый законный вдох

Подготовка — это не ремонт.

Подготовка — это когда ты ещё ничего не исправил, но уже лишил себя права удивляться, если всё пойдёт плохо.

Удивление вообще плохой инструмент.

На заводе удивлённый человек обычно стоит там, где через секунду будет горячо, громко или смертельно. В нормальной работе удивление нужно заменять проверкой. Не “почему оно так?”, а “где ближайший выход, кто отвечает за клапан и почему стрелка уже в красной зоне?”.

Здесь стрелок не было.

Были свечи, холодный камень, восковые метки, швы, старые запреты, духовные печати и город, который слишком долго называл аварийный узел святой тишиной.

Мы получили право не чинить.

Право готовиться.

В этом тоже было что-то издевательское. Разрешение на первый законный вдох старой беды, но не на то, чтобы дать ей дышать нормально.

Утро началось с алгоритма.

Мишка сидел за столом, серьёзный до невозможности, и выводил заголовок:

Порядок наблюдения за третьим приёмом.

Я посмотрел на строку и сказал:

— Слишком красиво. Пиши проще: “Что смотреть, чтобы не сдохнуть”.

Арина у окна тихо кашлянула.

— Макар.

— Хорошо. “Что смотреть, чтобы вовремя выйти”.

Мишка зачеркнул заголовок.

Лиска, сидевшая рядом, скривилась.

— А если не выйдете?

— Тогда Ратников напишет очень аккуратный протокол.

— Не смешно.

— Я знаю.

Поэтому и шутил.

Дарен пришёл с Горном. Брат Сила — почти сразу за ними. Ратников и Ладов должны были быть у часовни. Отец Лаврентий уже готовил людей к тому, что северная часть останется закрытой. Сенька исчез с утра, заявив, что слухи сами себя не поймают, а он не может лишать слухи такой радости.

Дед Яр сидел у печи и точил деревянный клин.

— Клин-то зачем точишь? — спросила Лиска.

— Чтобы молодые не думали, что тупым можно всё решить.

— Это про клин или про людей?

— Да.

Дарен разложил на столе схему нижнего помещения. Горн

положил рядом гильдейский допуск на подготовительные работы. Сила встал у двери, как человек, которому пока не сказали, что держать, но он уже готов.

Я поднялся на локте. Бок тянуло, но терпимо. Устинья вчера сказала, что “терпимо” — это не медицинский термин, а способ дураков дожить до следующей глупости.

Возможно.

Но сегодня мне требовалась не сила.

Мне требовался порядок.

— Пишем алгоритм, — сказал я. — Чтобы вниз не спускался один мой дар, а спускалась группа людей с глазами, руками и мозгом.

Дарен кивнул.

Сила нахмурился.

— Дар можно заменить?

— Нет. Но дар не должен быть единственным прибором.

— А что ещё прибор? — спросил Дарен.

— Всё, что меняется раньше, чем умирает человек.

Мишка поднял голову.

— Это записывать?

— Обязательно.

Он записал.

Горн усмехнулся.

— Для гильдейского учебника фраза грубовата.

— Для живых — в самый раз.

Я начал перечислять.

— Первое. Пламя. Если синее, наклоняется к стене или начинает гореть ниже без сквозняка — признак усиления холдовой тяги.

Мишка писал.

Дарен повторял глазами.

Ладова здесь не было, но я уже заранее слышал его вопрос: “как формулировать?”

Поэтому сразу добавил:

— Не пишем “стало хуже”. Пишем: “пламя отклонилось к северо-западной стене”, “синий кончик увеличился”, “высота пламени снизилась”. Признак должен видеть не только я.

— Второе? — спросил Дарен.

— Воск. Если белеет, трескается, течёт не вниз, а к шву — плохо. Если после подложки выравнивается — хорошо. Но “хорошо” не писать. Писать, что именно изменилось.

— Третье? — Мишка уже не поднимал головы.

— Холод на подкладном камне. Не просто холод. Изменение холода. Камень может быть холодным всегда. Нас интересует, становится ли он холоднее за время работы.

Сила сказал:

— Как понять без дара?

— Ткань. Воск. Дыхание. Если ткань влажнеет быстрее, чем рядом. Если воск твердеет. Если на камне собирается иней. Если рука чувствует резкий перепад там, где раньше не было.

— Рукой трогать нельзя, — сказал он.

— Верно. Значит, через ткань и не долго. Или лучше вообще не рукой. Каменная пластина, тонкая восковая полоса, сухой песок. Прибор — это не обязательно вещь с цифрами. Прибор — это то, что показывает изменение.

Дарен тихо повторил:

— Изменение.

— Да. Не ищи страшное. Страшное часто уже случилось. Ищи то, что меняется.

Дед Яр перестал точить клин.

— Вот это пиши крупно, малой.

Мишка написал крупно.

— Четвёртое, — продолжил я. — Звук плит. Деревянная рукоять. Не металл. Если плита звенит пусто, если звук изменился после работы, если трещина пошла от удара — не наступать, не нагружать, отмечать.

— Пятое?

— Метки на швах. Ставим шесть контрольных точек. Не только там, где страшно. Там, где должно быть спокойно. Если спокойная метка меняется — хуже, чем если активная ведёт себя как ожидалось.

Дарен поднял глаза.

— Почему?

— Потому что активная зона уже известна. Неизвестная зона — это новая проблема.

Горн кивнул.

— Верно.

Я продолжил:

— Если усилился один признак — остановка и повторная проверка. Если два — прекращение работы, подтверждение Силой, Горном и Ладовым. Если три — выход. Без споров. Если появляется синий иней — песок, камень, отход. Не геройствовать. Не “ещё чуть-чуть”. Не “почти закончили”.

Лиска посмотрела на меня так, будто хотела сказать: “сам бы послушал”.

Я сделал вид, что не заметил.

Она сделала вид, что поверила.

Плохая ложь с обеих сторон.

Сила сказал:

— Ты всё превращаешь в порядок.

— Авария и так превращает всё в хаос. Кто-то должен быть неприятным.

— У тебя получается.

— Спасибо.

— Это не похвала.

— Я взял как смог.

К часовне мы пришли ближе к полудню.

И сразу стало понятно: слухи работают быстрее любых разрешений.

У ограды стояло больше людей, чем вчера.

Не толпа ещё.

Но уже материал для толпы.

Старухи у стены шептались. Две женщины спорили, мож-

но ли теперь молиться у холодного камня, если его закрыли. Мужик с лицом портового грузчика уверял, что гильдия хочет забрать “силу Варлаама” для Верхнего города. Какая-то девчонка плакала, потому что мать не пустила её поставить свечу к северной стене.

Лиска исчезла ещё у поворота.

Сенька появился из-за ограды и шепнул мне:

— Слух пошёл не сам.

— Откуда?

— У слуха ноги бедные, но сапоги хорошие.

— Человеческим языком.

— Двое ходят по дворам. Один говорит, что Лютов из Нижних лезет под часовню за силой. Второй — что гильдия хочет закрыть место, потому что там чудо не по их книгам.

— Пахом?

— Не похоже. Пахом бы продавал свечи от страха. Тут аккуратнее.

— Вельский?

— Может. Или кто-то рядом с ним. У одного сапоги верхние, но грязь на них нижняя. Значит, специально ходил.

— Следи.

— Я уже. Мне просто нравится, когда ты это говоришь, будто командуешь.

— Сенька.

— Следю.

Он исчез.

Отец Лаврентий вышел к людям.

Без бумаги.

Без красивого сопровождения.

Просто встал на ступенях.

— Северная часть часовни временно закрыта не потому, что там меньше святости, — сказал он. — А потому что мы отвечаем за тех, кто приходит сюда живым и должен уйти живым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.